

18+ Юрий Рыжов

Наследник
Договора

Юрий Рыжов
Наследник Договора

«Издательские решения»

Рыжов Ю.

Наследник Договора / Ю. Рыжов — «Издательские решения»,

Артём Лиховицкий, успешный московский юрист, в день 30-летия начинает видеть незримые нити человеческих отношений и слышать голос в голове. Он — последний потомок рода, чей тысячелетний Договор с мирозданием истекает. Чтобы перезаключить Договор, Артём идёт по зову крови. Древние Силы испытывают его, даруя могущество, которое омрачает рассудок. Тени прошлого встают из забвения, требуя расплаты по старым счетам. И главное — цена Договора оказывается намного страшнее, чем он мог представить...

© Рыжов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	41
Глава 12	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Наследник Договора

Юрий Рыжов

© Юрий Рыжов, 2026

ISBN 978-5-0070-1612-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В те времена, когда мир был молод, всё сущее держалось не на молитвах и не на заклинаниях, а на *Договорах*. Камень договаривался с землёй о прочности. Река — с берегами о границах. Ветер — с семенами о путешествиях. А человек... человек должен был договориться со всем миром.

Боги ещё не родились в ту пору. Миром правили семь изначальных Сил, и у каждой был свой закон.

Стужа — дух хлада и безмолвия. Она дарила покой земле и ясность разуму, очищала своей белизной. Но могла и вогнать осколок льда в самое сердце.

Ветер — дух дорог и перемен. Он нёс вести и кружил головы путникам. С ним договаривались о попутном дыхании в спину.

Лес — дух чащи и тайны. Он хранил зверя и ягоду. Но требовал платы за каждую ветвь, сломанную без нужды.

Жива — дух роста и плодородия. Она наполняла соками стебли и жилы. Без неё не всходили семена и не рождались дети.

Земля — дух тверди и щедрости. Она рождала хлеб и принимала кости предков. Её благоволение было основой жизни.

Огонь — дух света и воли. Он согревал очаг и очищал грехи дымом. Вырвавшись же на волю, пожирал всё на своём пути.

Вода — дух течения и памяти. Она поила и уносила печали. В её глубинах таились забытые тайны мира.

Силам не молились, им не приказывали. С ними можно было только договариваться. И правильно заключённый Договор был нерушим. Он был крепче гранита и острее стали.

Но всякий Договор требовал обязательных условий. Во-первых, ясности. Слово, обращённое к Силе, должно быть точным. Не «пошли удачу», а «дай десять зайцев в мои силки до полнолуния». Во-вторых, искренности. Сила чует фальшь в голосе и сердце. Попытка обмана оборачивалась против клятвоступника. И в-третьих, дара. Без добровольной жертвы — зерна, шерсти, капли мёда — слова повисали в пустоте. Дар был знаком уважения и скреплял договорную нить.

Как же человек мог ведать, что Договор заключён? Не было ни грома, ни молний в ответ. Лишь тихий знак: внезапная теплота в груди, счастливая примета, словно сама жизнь кивала в подтверждение. И самое верное свидетельство — желанное свершение. Зверь шёл в ловушку, хлеб наливался силой, боль отступала. Это и был безмолвный ответ Силы: «Принято».

Но не только великие Силы правили миром. В каждом месте обитали духи-хозяева. Домовой хранил домашний уют. Леший сторожил лесные тропы. Водяной правил омутами. С ними тоже договаривались. Оставляли им краюху хлеба или миску молока, шептали ласковые слова.

А за краем видимого мира таились и иные сущности. Тлен, пожирающий материю и память о былом. Изгой — дух отверженных мест. И самая страшная и безразличная из них — Пустота, что лежала в основе всего, как чёрный фундамент мироздания. Её не интересовали плоть или дух, она пожирала саму искажённую реальность. Ложь, нарушенные клятвы, забытые обеты — всё, что не было истинно, что отравляло живые связи между людьми, миром и Силой, — являлось пищей для Пустоты.

С Пустотой договор был невозможен. Лишь оградиться от неё можно было, да и то ненадолго. Ибо любая стена, возведённая людьми, рано или поздно давала трещину. А в трещину эту тут же просачивалось то, для чего в языке не было имени, ибо Пустота пожирала и имена тоже.

Среди людей находились и такие, кто искал лазейки в великих Договорах. Так, ведьмы и кудесники не чтиты Силы, а изучали их, выискивали в словах двусмысленность, в обрядах — недомолвки. Их интересовал не порядок в мире, а лишь личная власть. Они сговаривались с младшими духами против старших, подменяли дары, искажали смысл клятв. За это их чуждались все — и люди, и Силы. Ибо их путь вёл к великим бедам.

Но ничто не вечно под луной. Даже самый прочный Договор со временем устаревал, как ветшает забор, требующий починки. Силы менялись, мир поворачивался к солнцу новой стороной, и старые клятвы нужно было подкреплять вновь. Для этого и существовали праздники — не для веселья, а для дела. В день весеннего равноденствия обновляли Договор с Живой, чтобы она даровала рост посевам. В день осеннего — жертвовали лучшую долю Лесу, чтобы он отпустил зверя в зимнюю чащу. Каждый праздник был не просто обрядом — он был днём перезаключения, скреплением устного контракта на новый срок.

И горе тому, кто нарушал правильно заключённый Договор! Ибо кара приходила не как наказание, а как следствие. Разорвал Договор с Водой — река смывает дом. Обманул Домового — очаг не согреет зимой. Отвернулся от предков — род потеряет свою память и могущество. Сила не мстила — она просто переставала тебя замечать, оставляя один на один с холодным, безразличным миром, где у камня нет прочности, у реки — берегов, а у ветра — цели.

Люди из селения Загривье, что расположилось на холме у реки Кривуши, жили по этому древнему закону. Их бытие было сетью тысяч больших и малых Договоров, которые нужно было своевременно обновлять. Каждый отец семейства был полномочным посланцем своего рода перед лицом могущественных, но равнодушных Сил.

Мужская доля — это Договор силы и дела. Выйдя в лес, охотник оставлял на пне краюху хлеба и говорил: «Лес! Вот моя доля. Дай теперь свою. Моя нога — по твоей тропе, твой зверь — на моём копье. До следующего полнолуния». Это был не торг, а скрепление устного соглашения на определённый срок.

Женская доля — это Договор памяти и крови. Его скрепляли не слова, а узоры. В просторной светлице большуха ткала обережный Пояс Рода. В его нити вплетались шерсть домашних животных, волосы родичей, травы, собранные в определённую фазу луны. Этот Пояс был зримым воплощением великого Договора всего рода с миром. Он гласил: «Мы — свои. Мы — целое. Мы помним предков и чтим законы. Наша память — наша крепость. Не трогайте нас, и мы не нарушим ваш покой. До тех пор, пока не истлеют эти нити».

Два этих потока — мужской и женский — текли рядом, не смешиваясь, поддерживая хрупкое равновесие. Пока в одной из таких нитей не появилась первая, едва заметная слабина. Ибо тот, кто считает Договор раз и навсегда данным, подобен дереву, что забыло о необходимости пускать новые корни. Рано или поздно его ждёт падение.

Глава 1

Кабинет Артёма Станиславовича Лиховицкого был безупречен, как параграф из учебника гражданского права. Ни пылинки на строгих полках из тёмного дуба, ни лишнего клочка бумаги на столе из чёрного стекла. Даже единственное украшение — старинные часы-ходики в углу — отмеряли время с бесстрастной точностью. Здесь всё было подчинено закону, порядку и контролю. И сам хозяин кабинета был воплощением этих принципов.

В тридцать лет Артём был «восходящей звездой» юридического небосклона Москвы. Специализация — расторжение кабальных договоров. Он был тем самым последним шансом, к которому обращались предприниматели, обманутые партнёрами, дольщики, оставшиеся и без денег, и без квартир, наследники, которых пытались лишить их доли хитрыми оговорками в завещаниях. Дела, от которых отказывались другие, считая их безнадежными, попадали на его идеально чистый стол. И странным образом — выигрывались.

Коллеги шептались, что Лиховицкому просто везёт. Что у него нюх, чутьё. Они были правы, но лишь отчасти. Удача Артёма была не слепой. Она была выверенной, как баллистическая траектория. Он не искал доказательства — он, казалось, знал, где они лежат. Он не строил догадки о слабых местах в аргументации противника — он словно заранее видел трещину в броне. Это была не интуиция. Это была холодная, почти математическая уверенность.

Он рано пришёл к этому сам. Слишком рано.

Родители — интеллигенты старой закалки — ушли из жизни один за другим, когда он заканчивал школу. Серый, московский исход — онкология, не выдержало сердце... Они оставили ему небольшую квартиру в спальном районе и какую-то странную, глухую отчуждённость со стороны немногочисленных родственников. Слово в их роду было не принято быть слишком близкими. Слово все держались на расстоянии, боясь... чего? Артём не знал. Ему было не до того. Нужно было выживать.

Юрфак МГУ он окончил с красным дипломом не потому, что был гением, а потому, что видел структуру права, как другие видят схему метро. Закон для него не был инструкцией по сборке сложного, но логичного механизма. Любая нестыковка резала Артёму глаз, как фальшивая нота — музыканту с абсолютным слухом.

И вот теперь Артём сидел в своём кабинете и, закончив дела, собирался уже домой. Он подошёл к окну. За стеклом раскинулась вечерняя Москва — море огней, спешка, хаотичное движение. Его мир был полной противоположностью. Мир параграфов и статей.

Завтра ему исполнялось тридцать лет. Он не был суеверен, но что-то щемящее и незнакомое закрадывалось в его душу. Ощущение рубежа, некоего порога. Он отогнал это чувство: чувства были ненадёжны. Только факты. Логика. Закон.

Его секретарша, Валентина Петровна, женщина предпенсионного возраста, постучала и вошла.

— Артём Станиславович, к вам Пётр Иванович Семёнов. Без предварительной записи. Говорит, дело неотложное.

Артём нахмурился. Он не любил сюрпризов. Но Семёнова он хорошо знал — владелец сети небольших кофеен, человек, чья репутация была безупречной, как его собственный стол.

— Пусть заходит.

Семёнов буквально забежал в кабинет как загнанный зверь.

— Артём Станиславович, помогите! Меня уничтожают...

Он вывалил на стол папку. История была до боли знакомой. Крупный ритейлер, с которым Семёнов сотрудничал годами, предложил подписать дополнительное соглашение к договору аренды. «Пустая формальность, обновлённые реквизиты». В спешке, доверяя партнёру,

Семёнов подмахнул, не глядя. А там, в сносах, мелким шрифтом был пункт, по которому он, сам того не ведая, передавал ритейлеру права на все свои торговые марки.

— Они уже подали в суд! Хотят разорить меня исками! Это грабёж! — Семёнов схватился за голову.

Артём спокойно взял папку. Он пробежался глазами по тексту допсоглашения. Да, работа мастера. Юрист, составлявший его, был талантлив. Но...

— Успокойтесь, Пётр Иванович. Всё поправимо.

— Как?! — выдохнул Семёнов. — Там же всё железно!

— Ничто не бывает железным, — Артём откинулся на спинку кресла. — Есть статья 179 Гражданского кодекса. Недействительность сделки, заключённой под влиянием обмана. Вашу доверчивость и спешку можно трактовать как заблуждение, имеющее существенное значение. А их умысел — очевиден.

Он говорил спокойно, с той самой непоколебимой уверенностью, которая заставляла клиентов верить в чудо. Он уже видел судебное заседание. Видел, как исчезает уверенность юриста противника, когда судья начнёт задавать вопросы об обстоятельствах подписания. Видел, как расплзается по швам этот, казалось бы, идеальный иск.

— Вы... вы уверены? — с надеждой спросил Семёнов.

— Абсолютно, — ответил Артём. И это была правда.

Он проводил клиента, пообещав заняться делом с утра. В кабинете снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь размеренным тиканьем часов. Завтра — тридцать. Он посмотрел на свой ежедневник. Никаких планов. Он не любил шумные праздники. Возможно, зайдёт в тот тихий итальянский ресторан недалеко от дома. Как всегда, один.

Артём не знал, что его уверенность — не просто результат блестящего аналитического ума. А способность видеть «слабые места» в самых прочных договорах — это не выработанный годами навык, а *наследство*. Наследство, которое готовилось к его тридцатилетию так же тщательно, как он готовился к своим судебным делам.

Он собрал вещи, потушил свет и вышел из кабинета. Его ждал обычный вечер в его идеально упорядоченной жизни. Последний вечер, когда мир вокруг него подчинялся знакомым и понятным законам. Законам людей.

С завтрашнего дня в силу вступали иные законы, древние и безжалостные. И главный Договор в его жизни — договор, где он был и стороной, и предметом, и гарантом — ждал своего часа.

Глава 2

Утро своего тридцатилетия Артём встретил как обычно — чашка чёрного кофе, десяти-минутный просмотр новостей на телефоне, беглый взгляд на календарь дел. Никакого пафоса, никаких намёков на праздник. Он чувствовал лишь лёгкую усталость, будто провёл ночь не в своей постели, а за изучением какого-то дела.

За завтраком его впервые посетил *голос*.

Это был не звук. Скорее, чёткая, готовая мысль, возникшая из ниоткуда, но с чужой интонацией. Тихий женский шёпот, холодный и безжалостный.

«Статья 179... Но их статья — смерть...»

Артём вздрогнул, чуть не пролив кофе. Он оглядел свою стерильно чистую кухню. Телевизор был выключен, за окном — лишь привычный гул города. «Переутомился, — тут же решил он. — Нужно меньше брать дел накануне выходных».

Голос затих, но ощущение присутствия кого-то чужого, наблюдающего изнутри его собственного сознания, осталось. Оно было таким же явным, как вкус кофе на языке, и таким же тревожным.

Судебное заседание по делу Семёнова было назначено на четверг. Артём шёл в здание суда с привычным чувством уверенности. Он мысленно выстраивал аргументы, предвосхищая возражения юриста ритейлера Орлова — опытного, циничного прагматика.

Зал заседания суда был выдержан в казённом, но внушительном стиле: высокий потолок, полированный до зеркального блеска паркет, глухие стены, обшитые тёмным дубом. На возвышении, под гербом России, сидела судья — женщина лет пятидесяти с жёстким, непроницаемым лицом, и с репутацией неподкупной и дотошной формалистки.

Артём занял своё место за столом, чувствуя привычную, холодную тяжесть ответственности. Рядом ёрзал Семёнов, его пальцы нервно барабанили по папке. Напротив, с невозмутимым видом разложив свои многочисленные документы, устроился юрист ритейлера, Дмитрий Михайлович Орлов — мужчина лет пятидесяти, в идеально сидящем костюме, с дорогими часами на запястье и ухоженными руками. Его лицо было скрыто под маской профессионального дружелюбия, но в глазах, маленьких и острых, как буравчики, читалось превосходство...

— Итак, приступаем к прениям сторон, — голос судьи прозвучал сухо и гулко в тишине зала. — Слово предоставляется представителю истца, господину Орлову.

Орлов поднялся, негромко откашлялся и начал. Он не кричал, не жестикулировал. Он перечислял статьи Гражданского кодекса, ссылаясь на позиции Верховного суда, разбирал по косточкам каждый пункт возражений Артёма.

— Уважаемый суд! — его голос казался искренним и убедительным. — Мы слышим от коллеги красивые слова о «кабальности сделки» и «злоупотреблении». Но давайте смотреть на факты. Перед нами — успешный предприниматель, господин Семёнов. Взрослый, дееспособный гражданин, с многолетним опытом ведения бизнеса. Он не ребёнок, которого ввели в заблуждение. Он подписал дополнение к договору своей рукой. И теперь, когда последствия этой подписи стали для него невыгодными, он пытается отказаться от своих же обязательств, прикрываясь мнимой «доверчивостью». Это, простите, не объяснение. Это попытка уйти от ответственности!

Орлов повернулся к Семёнову, и в его взгляде мелькнуло что-то вроде наигранной жалости.

— Пётр Иванович, вам не стыдно? Вам не стыдно прятаться за спину юриста и говорить о том, что вы... что? Слишком спешили? Не читали? Это же ваш бизнес! Ваша ответственность! Семёнов покраснел и опустил голову. Удар был точен и болезнен.

Артём внимательно слушал. Он анализировал не столько слова, сколько саму конструкцию атаки. Орлов пытался перевести дело из юридической плоскости в моральную, выставить его клиента глупцом. Стандартный приём.

— Слово предоставляется представителю ответчика, господину Лиховицкому, — произнесла судья, переводя на него свой тяжёлый взгляд.

Артём поднялся. Его движения были плавными и экономичными.

— Уважаемый суд. Уважаемый коллега, — он кивнул Орлову, и тот едва заметно усмехнулся в ответ. — Господин Орлов говорил о фактах. Прекрасно, давайте о фактах. Факт первый: дополнение к договору объёмом в три страницы было представлено моему доверителю как «техническая формальность», касающаяся исключительно обновления банковских реквизитов. Факт второй: ключевой пункт о переходе прав на интеллектуальную собственность был размещён в тексте в виде сноски мелким шрифтом и сформулирован намеренно размыто, чтобы не привлекать внимания. Факт третий: на подписание отводилось три часа, в условиях цейтнота, вызванного действиями самой же компании-истца.

Он говорил чётко и спокойно. Каждое его слово было как гвоздь, вбиваемый в речь Орлова.

— Коллега апеллирует к тому, что мой доверитель — взрослый человек. Бесспорно. Но взрослость не отменяет статьи 179 Гражданского кодекса. Заблуждение, имеющее существенное значение. А если говорить о добросовестности сторон... — Артём сделал паузу, давая суду оценить иронию, — ...в данном случае, уважаемый суд, мы наблюдаем её вопиющее отсутствие. Это не договор. Это ловушка, искусно расставленная под видом рутины. И сослаться на то, что «нужно было читать», в такой ситуации — это и есть классическое злоупотребление правом.

Орлов уже не улыбался. Он хмуро смотрел на свои бумаги, готовя возражение. Судья, склонив голову, что-то внимательно конспектировала. Всё шло по плану. Артём чувствовал привычное, холодное удовлетворение — он видел слабость в позиции противника и методично в неё давил. Ещё пятнадцать минут, и судья удалится в совещательную комнату с нужным настроением.

И тут случилось нечто.

Орлов, которому судья предоставила право реплики, начал было свою отточенную тираду:

— Уважаемый суд, позиция моего оппонента основана на... на...

Он запнулся. Но не просто запнулся, а будто споткнулся о собственный язык. Его лицо, секунду назад собранное и напряжённое, вдруг обмякло. Маска профессиональной уверенности сползла, обнажив что-то растерянное и испуганное. Он побледнел так, что даже губы его посерели. Его взгляд, всегда острый и цепкий, стал мутным, отсутствующим. Он уставился куда-то в пространство перед собой, словно видел там не стену зала, а нечто иное, недоступное остальным.

В зале повисла напряжённая тишина. Секунда, другая... Судья с недоумением подняла на него глаза.

— Господин Орлов? Вы себя хорошо чувствуете?

Орлов медленно, очень медленно перевёл на неё взгляд. Казалось, ему потребовались невероятные усилия, чтобы сфокусироваться.

— Ваша честь... — его голос, обычно бархатный и уверенный, стал тихим и надтреснутым. — Я... я должен кое-что сказать.

— У вас есть возражения по существу? — сухо осведомилась судья.

— Возражения? — Орлов горько усмехнулся. — Нет. Никаких возражений. Всё, что говорил господин Лиховицкий... это правда. Абсолютная правда.

В зале пронёсся удивлённый шёпот. Артём почувствовал, как у него похолодели кончики пальцев. Что за новый тактический ход? Признание? Но это же безумие!

Орлов повернулся к Артёму. И в его глазах не было ни злобы, ни ненависти. Была какая-то пугающая, бездонная обреченность.

— Вы... вы открыли мне глаза, коллега, — произнёс он, и каждое слово давалось ему с трудом. — Я тридцать лет в профессии. Тридцать лет я составлял такие договоры. Я душил ими малый бизнес, как этот. Я уничтожал жизни. Я думал, что это просто игра. Игра по правилам. А это... — его голос сорвался, — ...это не игра. Это гниль. Это яд. И я... я сам им насквозь пропитан.

Он снова обратился к судье, и его слова полились, словно прорвавшаяся плотина, неуправляемые и страшные.

— Я признаю все доводы ответчика. Более того, я признаю, что это была не ошибка, а спланированная акция по поглощению бизнеса господина Семёнова. У нас был план. Специально создавать цейтнот, прятать ключевые пункты... Всё. Я слагаю с себя полномочия по этому делу. Я отзываю иск. Со всеми вытекающими для моего доверителя последствиями. И... — он снова посмотрел на Артёма, и в его взгляде была уже не благодарность, а нечто вроде мистического ужаса, — ...и я благодарю господина Лиховицкого. Он будто заставил меня увидеть всю чёрную изнанку моей жизни. Всю ту ложь, на которой она держалась.

В зале повисла оглушительная, абсолютная тишина, которую через мгновение взорвал шквал возгласов и щелчков фотокамер. Семёнов сидел, открыв рот, и смотрел на Орлова, как на воскресшего из мёртвых.

Артём не двигался. Он чувствовал себя не победителем, а оператором сложного механизма, который вдруг вышел из-под контроля и начал крушить всё вокруг. Эта победа была неестественной. Чужой. Его рациональный ум отказывался это принимать. Юристы так не поступают. Это противоречило всему его предыдущему опыту.

И сквозь нарастающий гул в ушах, сквозь собственное смятение, он снова услышал её. Голос был теперь кристально чётко, всего два слова, произнесённые с ледяным, безразличным удовлетворением, как констатация факта:

«Долг выплачен».

На этот раз сомнений не осталось. Усталость здесь была ни при чём. Произошедшее в зале суда и этот голос в его голове были частями одного целого. Частями чего-то чудовищного, что начало разворачиваться прямо внутри него.

Вернувшись в свой безупречный кабинет, он не чувствовал триумфа, лишь ледяную тяжесть на душе. Он долго сидел в темноте, понимая, что его идеально упорядоченный мир дал трещину. Он выиграл дело. Но проиграл нечто гораздо более важное — уверенность в том, что он управляет своей жизнью.

Голос молчал. Но Артём знал — это ненадолго. Это был лишь первый, пробный шёпот из тьмы. И он с ужасом понимал, что начинает прислушиваться.

Глава 3

Артём возвращался домой уже поздно вечером, продолжая думать о сегодняшней победе, неестественной и пугающей. Была уже глубокая осень, и промозглый московский ветер гнал по асфальту жухлые листья. Он направился к парковке, кутаясь в пальто, как вдруг его догнал незнакомый человек.

— Господин Лиховицкий? Артём Станиславович?

Артём обернулся. Перед ним стоял мужчина. Лет сорока, может, пятидесяти. Одет в неброский, но дорогой тёмный костюм. Лицо было самым обычным. Ни одной запоминающейся черты. Если бы он отвернулся на секунду, он вряд ли смог бы описать его потом. Такие лица бывают у шпионов или профессиональных киллеров.

— Я вас не знаю, — холодно ответил Артём.

— Это неважно, — незнакомец улыбнулся. Улыбка была такой же безликой, как и он сам. — Мне нужно поговорить с вами. По очень важному делу.

— Записывайтесь на приём через секретаря.

— Это не о юридическом деле, Артём Станиславович. Это о вашем *наследстве*.

Слово повисло в холодном воздухе, словно выдыхаемый пар. Артём нахмурился.

— У меня нет наследства. Родители умерли давно.

— Не то наследство, — незнакомец покачал головой. — Я говорю о том, что к вам приближается. О том, что вы даже не подозреваете, но что уже начинает проявляться. Победа в суде... необычная, не правда ли? Голос в голове?

Артём почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Как он мог знать?

— Я не знаю, о чём вы.

— Знаете, — голос незнакомца стал тише, но приобрёл стальные нотки. — И я здесь для того, чтобы сделать вам предложение. Откажитесь от *него*.

— От чего отказаться? Вы говорите загадками.

— От наследства. От того, что вам положено по праву крови. От долга, который вы даже не успели осознать. Откажитесь, и мы вознаградим вас щедро. Богатство? — Незнакомец махнул рукой, и его жест как будто включил все огни ночной Москвы. — Всё это может быть вашим. Власть? Бессмертие? Мы дадим вам то, что пожелаете. Просто откажитесь.

Артём смотрел на него, и впервые за долгое время его разум, всегда такой ясный, был в полном смятении. Это была либо грандиозная мистификация, либо он сходит с ума.

— Вы предлагаете мне отказаться от чего-то, о чём я не имею понятия, в обмен на сказочные блага? — скептически произнёс Артём. — Это похоже на мошенничество.

— Это похоже на сделку, — поправил незнакомец. — Единственно разумную сделку в вашей жизни. Потому что то, что вас ждёт... это не дар. Это проклятие. Это одиночество. Это вечная война с тем, с чем нельзя договориться. Вы станете стражем у врат, которые лучше никогда не отпирать. Вы потеряете всё, что делает вас человеком.

Его слова странным образом отозвались в Артёме. Они ложились на уже готовую почву — на страх перед голосом, на ужас от победы над Орловым, на ощущение, что его жизнь больше ему не принадлежит.

— Каких врат? О какой войне вы говорите?

— Вы скоро всё узнаете, — незнакомец снова улыбнулся. — Слишком скоро. Но пока есть время... откажитесь. Подпишите этот отказ, — он протянул руку, и в ней оказался лист бумаги, на котором не было ни единой буквы, — и живите своей жизнью. А мы сделаем вашу жизнь такой, как вы сами захотите.

Разум Артёма, закаленный годами судебных баталий, цеплялся за логику, как за спасательный круг.

— Погодите, — резко сказал он, и его голос прозвучал громче, чем он ожидал. — Вы появляетесь поздно вечером, говорите о каком-то мифическом наследстве, пугаете меня «вечной войной» и предлагаете подписать... — он язвительно ткнул пальцем в сторону пустого листа, — ...чистый бланк? С какой стати я должен вам верить? Назовите хоть одну конкретику. О каком наследстве речь? Кто вы? Кто ваши наниматели?

Незнакомец не смутился. Его безликая маска не дрогнула.

— Конкретика изменит лишь детали, но не суть предложения, Артём Станиславович. Суть проста: откажитесь от наследства — и будете жить в роскоши и покое. Примете его — и навеки станете рабом долга.

— Долга перед кем? — настаивал Артём, чувствуя, как нарастает раздражение, смешанное с леденящим страхом. — Перед государством? Перед какой-то организацией? Вы говорите, как сумасшедший или как шантажист. Я юрист. Я работаю с фактами. Предоставьте мне факты.

— Факты? — Незнакомец усмехнулся. — Хорошо. Факт первый: ваши родители умерли не своей смертью.

Артём отшатнулся, словно от удара.

— Они... у отца был инфаркт, у матери...

— ...рак, — закончил незнакомец. — Так гласит официальная версия. Но спросите себя, Артём Станиславович: почему ваш род так стремительно угас? Почему вокруг вас всегда было так мало родни? Почему те, кто остался, предпочитали держаться от вас подальше? Это не случайность. Это плата. По старому счёту.

Артём молчал, и его молчание было красноречивее любых слов. Он всегда чувствовал это странное одиночество, эту пустоту вместо большого семейного гнезда.

— Факт второй, — продолжил незнакомец, пользуясь его замешательством. — Ваша карьера. Ваша феноменальная удача в безнадёжных делах. Вы никогда не задумывались, откуда это? Этот дар видеть слабые места, эта уверенность. Это не ваш талант. Это — её приданое. Оно просыпается в вас, готовя к главной роли.

— Чьё приданое? — прошептал Артём, и голос его внезапно осип.

— Той, чью вахту вам предстоит нести. Той, что веками спала каменным сном, ожидая преемника. Её кровь течёт в вас, Лиховицкий. И с её кровью — её долг.

«Каменный сон». Эти слова отозвались в нём глухим эхом. В памяти всплыли обрывки детских кошмаров, давно забытых — сны о тёмном лесе и женщине из камня, которая смотрела на него без глаз.

— Вы... вы говорите о какой-то женщине? — с трудом выговорил он.

— Имя не имеет значения для сути нашего предложения, — ответил незнакомец. — Важен выбор. Последний свободный выбор в вашей жизни. — Он снова протянул лист. — Откажитесь. Отрекайтесь от её крови, от её власти, от её войны. И вы станете... *никем*. Но счастливым, сказочно богатым никем.

Артём смотрел на лист. Чутьё кричало об опасности. Подписывать его? Это верх идиотизма. Это всё равно что подписать собственный смертный приговор, не видя текста. Любая, самая ничтожная кабальная сделка, с которой он боролся, была образцом ясности по сравнению с этим.

— Нет, — твёрдо сказал он, и сам удивился этой твёрдости. — Если вы представляете какую-то сторону в этом... наследственном деле, предоставьте официальные документы. Завещание. Договор. Что угодно. Я изучу его и тогда приму решение. По закону.

На лице незнакомца впервые появилось что-то, кроме безразличия. Что-то вроде усталости и досады.

— Законы, которым подчиняется это наследство, старше и жёстче всех ваших кодексов, Лиховицкий. Здесь нет статей и параграфов. Здесь есть только условия. И цена.

— Тогда я отказываюсь вести переговоры на таких условиях, — отрезал Артём, поворачиваясь и собираясь уйти. — Считайте, что нашей беседы не было.

— О нет, она была, — тихо произнёс незнакомец у него за спиной. — И она стала первым ходом. Вашим... или уже *её*?

Артём обернулся. Но на том месте, где только что стоял человек, была лишь пустота. Ветер кружил на асфальте одинокий лист, будто пытаясь заполнить собой внезапно образовавшуюся дыру в реальности.

Сердце Артёма бешено колотилось. Юридические аргументы разбились о непробиваемую стену мистики. Но одно он понял совершенно точно: наследство — не метафора. Оно реально. Оно связано со смертью его родителей. И оно чего-то хочет от него. А тот, безликий незнакомец... он был первым, кто явился заявить свои права на его душу. Или предупредить?

Он посмотрел на свои руки: они не дрожали. Но внутри, в самой глубине, там, где обычно рождалась его уверенность, теперь зияла трещина. И сквозь неё медленно появлялось осознание: его жизнь только что закончилась. Та, прежняя, упорядоченная. А новая началась с пустого листа в чужих пальцах и с оглушительной *пустоты* после ухода незнакомца.

Глава 4

Артём вошёл в свою квартиру, резко щёлкнув выключателем.

Свет залил прихожую, и он замер на пороге. Воздух в квартире был тяжёлым, спёртым, словно её не проветривали месяцами. И запах... Пахло воском от потухшей свечи, сушёными травами, а также чем-то глубинным, забытым. Его стерильное, выверенное до миллиметра пространство было осквернено этим чужим, тёплым дыханием.

«*Наблюдай, Наследник*, — раздался в голове голос. — *Смотри и слушай*».

Из гостиной, из самого тёмного угла за строгим диваном, послышалось настойчивое шуршание. Не мышинное, а такое, словно кто-то невидимый перебирал сухие стебли. Сердце Артёма тревожно заколотилось, но ноги, будто повинуюсь чужой воле, сами понесли его вперёд.

На его собственном новом кресле сидело *ничто*. Существо было небольшим, с трёхлетнего ребёнка, и казалось слепленным из теней, осевшей пыли и клочьев старой, свалывшейся шерсти. Оно сидело, поджав под себя ноги, которые скорее угадывались, чем виделись. Его лицо тонуло в глубокой тени, и лишь две точки — крошечные, как булавочные головки, — светились в полумраке, неотрывно глядя на Артёма.

«*Домовой*, — пояснил внутренний голос. — *Дух-хранитель порога. Хранитель твоего очага. Вернее, того очага, чей дух ты носишь в себе*».

— Хозяин, — произнесло существо. Его голос был похож на скрип половиц в столетней избе. — А ты и впрямь похож на неё. Та же стать, та же воля во взгляде, хоть ты и пытаешься её под контролем держать.

Артём стоял не в силах пошевелиться. Он испытывал даже не страх, а оглушающее непонимание. Его реальность, выстроенная из параграфов и статей, трещала по швам.

— Я... я ничей не хозяин, — его собственный голос прозвучал хрипло и чуждо. — Убирайтесь. Сейчас же вызову полицию.

Святящиеся точки на мгновение погасли, и раздался звук, похожий на сухое хихиканье.

— Полицию? — проскрипел дух. — Это тех, в синих мундирах? Они сюда не ходят, хозяин. Их нитки сюда не ведут. А мои — ведут. Я — Домовой. И пришёл поглядеть, как новый страж к своему посту готовится. Чую я, как дух Радомиры в тебе просыпается, Наследник. Пахнешь уже не городом, а туманом. Слышишь не людей, а законы.

Имя, произнесённое вслух, ударило Артёма, как удар током. На секунду вспыхнул и сразу погас чёткий, как фотография, образ — строгое, бледное, не стареющее женское лицо.

— Какой страж? Какой пост? — он почти кричал, отчаянно цепляясь за логику. — Я юрист! Я работаю с договорами!

— Все твои договоры — лишь детские шалости, — спокойно ответил Домовой. — Тренировка. Подготовка к главному. А пост... — он сделал паузу, и свет его глазок на мгновение померк, словно вспомнив что-то тяжёлое. — Пост там, где наш тёплый и шумный мир упирается в Пустоту. Где Договор главный хранят. Она, Радомиры, его заключила и она же стерегла. Века стояла. Теперь же... силы её на исходе. А ты — её *Наследник*.

В голове у Артёма что-то щёлкнуло и сложилось в цельную картину. Всё — его феноменальная карьера, его чутьё к подвохам в контрактах, этот голос-наставник — было всего лишь подготовкой. Тренировкой перед подписанием главного, ужасающего контракта его жизни, о котором он даже не подозревал.

— Но знай, хозяин, — голос Домового понизился до доверительного, леденящего душу шёпота, и тьма вокруг него сгустилась, стала осязаемой. — Не одни мы за тобой, новорождённым стражем, приглядываем. Охотятся тут и другие. Ряженые. Ходят за тобой по пятам, шепчутся. Пахнут они не домом, а дымом чужих костров, пустыми заклинаниями и старой кровью.

Жаждают твоё наследие, твою силу, только что проснувшуюся, урвать. Сделать из неё клетку для своих забытых богов, ошейник для духа. Они уже близко.

С этими словами существо начало расползаться, таять на глазах. Его форма теряла очертания, превращаясь в клубок бесплотных теней. Тёплый, хлебный запах старого дома исчез, сменившись привычным, стерильным и мёртвым воздухом его квартиры. Последним, что он увидел, были эти два светящихся уголька, в которых вдруг, показалось ему, читалась жалость.

— Стой! — крикнул Артём, делая шаг вперёд, его рука инстинктивно потянулась к тому, чего уже не было. — Вернись! Объясни! Кто они? Что мне делать?!

Но в комнате никого не было. Лишь на сиденье дорогого кресла лежала одна-единственная веточка полыни. Артём медленно подошёл и коснулся её пальцами. Она была холодной, сухой и абсолютно реальной.

Голос в его голове прозвучал ясно, чётко и безжалостно:

«Урок окончен. Будь осторожен».

Глава 5

Осознание того, что он не сходит с ума, а становится чем-то большим, не принесло Артёму покоя. Это была лишь смена одной тюрьмы на другую, более просторную и страшную. Теперь он был заключён в реальность, где законы человеческие были лишь бледной тенью законов истинных, тех, что управляли самой тканью бытия.

Он продолжал ходить на работу. Это был его последний якорь в рушащемся мире. Но работа уже не была прежней.

Сегодня воздух в кабинете был спёртым и едким от непролитых слёз и застарелых обид. Напротив него сидела Елена Петровна, женщина лет сорока с усталым, но ещё красивым лицом. Рядом с ней, отодвинувшись на пол-кресла, ёрзал её супруг, Виктор Николаевич. Он был крупным мужчиной в дорогом, но мятом костюме. Его пальцы нервно барабанили по ручке портфеля.

— Итак, — начал Артём, его голос прозвучал глухо в натянутой тишине, — вы оба подтверждаете своё намерение расторгнуть брак. Остаётся вопрос раздела имущества. Я вижу, что основная претензия касается... — он взглянул в бумаги, — ...хрустальной вазы.

— Это не просто ваза! — голос Елены дрогнул. — Это память! Это... это часть семьи.

— Часть семьи? — фыркнул Виктор, не глядя на жену. — Тысяча рублей на «Авито», не больше. Пылится она годами. А теперь вдруг память. Просто принцип, как всегда.

Артём наблюдал. Но он уже не просто слушал слова. Он словно *видел* новым, внутренним зрением. И то, что он видел, было куда красноречивее любых доводов.

Между супругами, в пространстве кабинета, висели тонкие, полупрозрачные *нити*. Когда-то, должно быть, они были золотыми и прочными. Теперь же они поблёкли, истончились, многие оборвались и безжизненно свисали, шевелясь от сквозняка. Но несколько нитей ещё держались. Одна, самая толстая и, казалось, самая старая, шла от сердца Елены к сердцу Виктора. Она пульсировала тусклым, но упорным светом.

— Это не принцип, Виктор! — Елена разнервничалась и стала говорить резко и быстро. — Ты прекрасно понимаешь! Мы выбирали её вместе, помнишь? В тот день, когда ты получил свою первую премию. Мы тогда пили шампанское... из этой вазы!

— Зачем ты всё это вспоминаешь? — с раздражением буркнул Виктор, отворачиваясь к окну. — Всё кончено. Причём тут какая-то ваза?

В этот момент Артём увидел, как та самая, толстая золотая нить вспыхнула ярко и болезненно, будто её ранили. Елена говорила правду. Для неё эта ваза была не вещью. Она была сосудом, в котором хранилась память о счастье. О том дне, когда между ними была любовь.

— Она хочет оставить себе вазу, — перевёл Артём разговор в юридическое русло, стараясь сохранить беспристрастность. — Вы не против, Виктор Николаевич?

— Не против? Конечно, против! — мужчина резко повернулся к нему. — Почему это она всё заберёт? Квартиру я ей оставляю, машину... А эта ваза... это уже жадность! Чистейшей воды жадность! Продадим её, и я возьму половину. По закону.

И снова видение. Когда Виктор произнёс слово «жадность», из его губ вырвался короткий, чёрный, ядовитый клубок. Он был похож на паутинку лжи, но более плотный и злой. Этот клубок ударил в золотую нить, и та затрепетала, стала ещё тусклее.

— Я не отдам её тебе для продажи! — воскликнула Елена, и в её голосе послышались слёзы. — Ты её просто разобьёшь или выбросишь! Ты всегда ненавидел её! Говорил, что она безвкусная и старая!

— Потому что она и есть старая и безвкусная! — закричал Виктор, вскакивая с кресла. Его лицо покраснело. — И ты тоже! Вечно со своим прошлым, с этими дурацкими воспоминаниями! Пора жить настоящим! Я уйду к той, которая не ноет о какой-то хрустальной дряни!

В воздухе что-то щёлкнуло. Артём увидел, как та самая, главная золотая нить, та, что пульсировала памятью о счастливых днях, лопнула. Она не просто порвалась, а рассыпалась в золотую пыль, затем исчезла.

Елена ахнула, будто её ударили. Она не слышала щелчка, но почувствовала его всем существом. Её лицо побелело.

— Уходи, — прошептала она, глядя в пустоту перед собой. — Забирай всё. Только уходи.

Виктор, казалось, не ожидал такой лёгкой победы. Он смущённо откашлялся, поправил галстук.

— Ну... я же говорил. Принципы. — Он бросил на Артёма быстрый взгляд. — Оформляйте всё, как хотите. Я отказываюсь от претензий. И от всех... вещей.

Он развернулся и быстрым шагом вышел из кабинета, хлопнув дверью.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Елена сидела, не двигаясь, смотря на свои руки. Слезы медленно текли по её щекам, но она словно не замечала их.

Артём смотрел на то место, где только что висели нити. Теперь там была пустота. Ничего. Только оборванные концы, медленно угасающие. Он только что был свидетелем того, как умирает последняя живая связь между людьми.

— Елена Петровна... — начал он.

— Всё в порядке, Артём Станиславович, — она подняла на него глаза, и в них была пустота. — Я заберу вазу. И всё остальное. Спасибо.

Она встала и, не глядя на него, вышла из кабинета так же тихо, как и вошла.

Артём остался один. На столе лежало заявление о разделе имущества, где пункт «хрустальная ваза» теперь можно было вычеркнуть. Его клиентка получила всё, что хотела.

Но он чувствовал себя гробовщиком, похоронившим последние остатки чего-то светлого. И его платой за эту «победу» было знание. Знание того, что в этом мире есть вещи, которые важнее любых человеческих законов.

На смену тягостной тишине, оставшейся после Елены Петровой, в кабинет ворвалась энергия другого порядка. Её принесли с собой двое — Сергей Дубакин и Олег Крылов. Партнёры, основатели успешной IT-компании «Криптософт». Дубакин — маленький, живой, подвижный, с подвижными глазами и заразительной улыбкой. Крылов — его полная противоположность: массивный, медлительный, с тяжёлым, изучающим взглядом из-под густых бровей.

— Артём Станиславович! — Дубакин первым протянул руку для энергичного рукопожатия. — Спасибо, что нашли для нас время! Дело, можно сказать, историческое. Мы выходим на новый уровень!

Крылов ограничился сдержанным кивком, его рукопожатие было коротким и сильным.

Артём пригласил их сесть. Формальный повод для визита — консультация и составление договора между партнёрами на новом этапе развития компании. Но едва они уселись, его «зрение» включилось, и привычный кабинет наполнился призрачными конструкциями.

Между двумя мужчинами сквозь стол тянулась толстая, туго скрученная нить, больше похожая на проволоку. Она была серого цвета и вся утыкана мелкими, острыми шипами. Это не была живая, пульсирующая связь, как в случае с супругами. Это был жёсткий, бездушный кабель обязательств и взаимных претензий. Каждый шип — старая обида, невысказанное подозрение, укол недоверия.

— Итак, господа, — начал Артём, заставляя себя смотреть на них, а не на жутковатое видение между ними. — Вы хотите зафиксировать новые условия партнёрства в связи с приходом инвесторов.

— Именно! — оживился Дубакин. — Мы с Олегом — как братья! Прошли огонь, воду и первые баги нашего софта. Но бизнес есть бизнес. Нужно чётко прописать доли, права при-

нятия решений. Чтобы ни у кого не возникло соблазна... — он многозначительно улыбнулся, — ...интерпретировать наши устные договорённости слишком вольно.

Крылов молча кивнул, его взгляд был прикован к папке с документами. В этот момент Артём увидел нечто новое. Над головой улыбающегося Дубакина сгустилось холодное, зеленоватое сияние, от которого тянуло хищной, цепкой уверенностью. Оно было похоже на клубящийся стратегический план, полный скрытых манёвров и ловушек.

— Сергей прав, — глухо произнёс Крылов, наконец поднимая глаза. — Всё должно быть прозрачно прописано. Чтобы потом не было... недопонимания. — Над его головой повисло другое свечение — тяжёлое, багровое, дышащее упрямой обороной и готовностью к осаде.

Они не лгали вслух. Они просто озвучивали общие фразы. Но их истинные намерения висели в воздухе, как боевые знамёна перед сражением.

— Я понимаю, — Артём сделал вид, что просматривает их старый устав. — Давайте начнём с важного момента — права принятия решений по найму новых сотрудников. Как вы видите этот процесс?

— О, это должно быть коллегиально! — воскликнул Дубакин. — Но решающий голос должен быть за мной, ведь именно я ответственный за найм и потому знаю сотрудников и чувствую команду.

В этот момент Артём увидел, как от Дубакина к Крылову по серой проволоке побежал новый, острый шип — тонкая, ядовитая игла чужого намерения. Шип вонзился в невидимое поле вокруг Крылова, и тот вздрогнул, словно от лёгкого удара током.

— Коллегиальность — это правильно, — медленно и весомо сказал Крылов. — Но с правом вето для обоих партнёров. Чтобы избежать... односторонних решений.

От него по проволоке к Дубакину полетел ответный шип — короткий и толстый, как засов, запирающий ворота.

Диалог продолжался. Каждая фраза, каждое предложение рождало новые шипы на их общей, колючей связи. Они говорили о финансах, о стратегии, о распределении долей, и с каждым словом серая проволока между ними становилась всё толще, всё более уродливой, обрастая новыми слоями взаимных подозрений и претензий. Они не спорили. Они вели изысканную дуэль на ядовитых намёках.

— Значит, мы договорились, — подвёл итог Дубакин, снова сияя улыбкой. — Артём Станиславович, вы тогда подготовьте проект договора, а мы с Олегом его изучим.

— Да, — коротко бросил Крылов, поднимаясь. — Изучим. Очень внимательно.

Они снова пожали друг другу руки. И в этот момент Артём увидел самое жуткое. Их рукопожатие было не просто формальностью. В момент соприкосновения ладоней, два враждебных сияния — холодно-зелёное и тяжёлое багровое — сплелись в один новый, чудовищный гибрид. Он завис над ними, мерцая взаимоисключающими импульсами, обречённый на вечный конфликт. Это и был их новый «договор». Договор о холодной войне.

Проводив клиентов, Артём остался в кабинете. Перед ним лежали их старые документы и его заметки. Но он знал, что настоящий договор уже заключён. Не на бумаге. Он был выкован из шипов недоверия и подписан ядом скрытых намерений. Его работа по составлению юридического документа была теперь пустой формальностью, ширмой, прикрывающей истинную суть их отношений. Он видел, как рождается раковая опухоль партнёрства, и всё, что он мог сделать — это оформить её рост в соответствии с законами.

В конце этого же рабочего дня к нему в офис пришёл новый клиент. Мужчина лет пятидесяти, с благообразным, даже добродушным лицом. Он представился Сергеем Владимировичем и попросил помочь оспорить завещание своей недавно скончавшейся тётушки.

Артём пригласил его в кабинет. Воздух в помещении был наполнен привычными запахами — кофе, бумаги, древесины стола. Но едва Сергей Владимирович переступил порог,

Артём почувствовал лёгкий, едва уловимый диссонанс. Словно в стройную симфонию запахов вплелась фальшивая, сладковато-гнилостная нота.

Они уселись. Клиент, сложив руки на коленях, начал свою историю. Голос у него был мягкий, спокойный, полный искренней, казалось бы, печали.

— Вы знаете, Артём Станиславович, — начал он, вздыхая, — Маргарита Петровна была для меня как вторая мать. Я навещал её каждый день, возил в больницу, покупал лекарства, читал ей вслух, когда зрение окончательно подвело... Она постоянно говорила, что оставит мне свою квартиру. Это было её заветной мечтой — знать, что её уголок достанется тому, кто был ей по-настоящему родным.

И вот здесь случилось то, чего Артём совсем не ожидал. Он смотрел на клиента, слушал его плавную речь, и вдруг его взгляд, обострённый новым, пробудившимся в нём восприятием, уловил нечто новое. Он увидел не нити, а что-то более чудовищное.

С каждым произнесённым словом, которое не соответствовало истине, с губ Сергея Владимировича начинало выделяться чёрное паутинообразное вещество. Оно было похоже на дым, но не рассеивалось, а сохраняло форму, сплетаясь в воздухе в призрачные, липкие структуры. Это были не просто клубы лжи — это были *юридические конструкции*, сотканые из обмана. Артём, с его опытом, узнавал в них искажённые, извращённые аналоги статей договора: «пункт о мнимых заслугах», «статья о мнимой эмоциональной привязанности», «оговорка о несуществующих устных договорённостях».

Эта чёрная паутина лжи не просто висела в воздухе. Она была активной, агрессивной. Она сплеталась в призрачный, отвратительный «контракт», который клиент не просто рассказывал, а буквально пытался *навязать* Артёму, вменить ему в обязанность принять эти условия. Эта паутина тянулась через стол тонкими, ядовитыми щупальцами, пытаясь обволакивать его разум, внушать доверие, заставить кивнуть и сказать: «Да-да, я понимаю, всё ясно, мы поможем вам восстановить справедливость».

Каждое новое предложение клиента усугубляло кошмар.

— Её родной сын, Алексей, — продолжал Сергей Владимирович, и чёрная паутина сгущалась, образуя новый «параграф» о «неблагодарном наследнике первой очереди», — он же совсем о ней не заботился! Последний раз навещал пять лет назад! Я же был рядом!

Артём видел, как эта липкая сеть лжи уже почти достигла его лица. Он чувствовал её давление на сознание, сладковатый запах тления. Его рациональный ум кричал о невозможности происходящего, но инстинкт Наследника уже знал, что это — часть новой реальности.

Внутри него всё сжалось от холодной ярости. Это было не моральное отвращение, а профессиональная ненависть юриста к подложному документу, помноженная на ужас перед угрозой целостности мира. Он не мог допустить, чтобы этот фальшивый «договор» был заключён, чтобы он получил хоть каплю силы через его, Артёма, молчаливое согласие.

Стиснув зубы до хруста, Артём собрал всю свою волю, и мысленно, с силой броневой снаряд, вытолкнул от себя эту чёрную паутину.

Эффект был мгновенным и ошеломляющим.

Липкая, чёрная сеть, тянувшаяся к нему, будто наткнулась на невидимый раскалённый щит. Она не просто остановилась — она сжалась, затрещала и с резким, сухим шипением, похожим на звук жарящегося на сковороде насекомого, начала рассыпаться. Чёрные нити истлевали в воздухе, превращаясь в мелкую, едва видимую пыль, которая тут же рассеивалась, не оставляя и следа. Сладковато-гнилостный запах исчез, сменившись запахом озона, как после грозы.

Сергей Владимирович, не понимая, что произошло, вдруг замолчал на полуслове. Его мягкий голос оборвался. Он смущённо покашлял, потер ладонью лоб, на котором выступила испарина. Его уверенность пропала. Он смотрел на Артёма растерянно, будто забыл, зачем пришёл, или же внезапно осознал всю неприглядность своей лжи.

— Я... э-э-э... — пробормотал он. — То есть, я хотел сказать... В общем, сын её, конечно, навещал, но... не так часто...

Артём смотрел на него холодным взглядом. Ужас от происходящего сменился ясностью. Он не просто только что раскусил лжеца, но увидел механизм его разрушительной работы и пресёк её. Он был санитаром этой заражённой реальности.

— Сергей Владимирович, — голос Артёма прозвучал ровно, но без тени прежней профессиональной вежливости. — Я полагаю, дальнейшее обсуждение этого вопроса не имеет смысла. Я не буду представлять ваши интересы. Более того, я настоятельно рекомендую вам пересмотреть свои намерения. В подобных делах цена ошибки... может быть гораздо выше, чем вы предполагаете.

Он не стал объяснять, что имел в виду. Клиент, бледный и сбитый с толку, почти бегом покинул кабинет.

Когда дверь закрылась, Артём опустил голову на ладони. Его трясло. Это было не нервное потрясение, а реакция на столкновение с абсолютным злом, принявшим форму банального мошенничества.

Внутренний голос подтвердил его догадки.

«Видел? — услышал Артём. — Это и есть пища Пустоты. Маленькая ложь, большая ложь, нарушенное слово. Они ослабляют ткань мира. Ты, Наследник, видишь это. И можешь этому противостоять».

С этого дня Артём понял, что его война происходила на уровне смыслов, договоров и истины. Каждая ложь, которую он разоблачал и отвергал, была маленькой победой. Каждый честный договор, который он помогал заключить, — укреплением обороны.

Лжец в его кабинете выглядел самым пугающим проявлением Пустоты, потому что он был самым обычным, и оттого — самым опасным. И Артём знал, что таких, как он, — тысячи. И каждый из них, сам того не ведая, вплетал свою чёрную нить в саван, готовящийся укрыть весь мир. Его же задача была — распускать эту ткань, нить за нитью, используя своё единственное оружие: непоколебимую верность истине и духу настоящего Договора.

Теперь Артём видел истинную суть соглашений между людьми — не то, что было написано на бумаге, а то, что было в их душах. И он чувствовал, как его собственная связь с миром людей становится всё призрачнее. Он был врачом, который видел болезнь, но не мог никому о ней рассказать.

Глава 6

Сон накатил на Артёма внезапно. Только что он лежал в постели в своей квартире, глядя в потолок и пытаясь не слушать навязчивый шепот в голове, а в следующую секунду его сознание провалилось в иную реальность. И это был не сон в привычном понимании, но полное погружение. Он не видел себя со стороны, он *был* там.

В Загривье.

Ветер. Это было первое, что Артём почувствовал. Не московский, застоявшийся, а резкий, несущий запах мокрой хвои и дыма из труб. Он стоял в холодной грязи на краю селения. Деревянные избы, почерневшие от времени, теснились друг к другу, словно ища защиты. С неба моросил мелкий, нудный дождь, превращавший всё вокруг в серую, унылую массу.

И тут он понял — он не просто видит. Он *чувствует*. Чувствует чужую усталость, тяжёлую, как намокшая шуба. Чувствует ноющую боль в спине от долгой, однообразной работы. Чувствует раздражение, едкое, как дым, идущий изнутри.

«Слабина... — пронеслось в его сознании, но это был не его голос. Это была мысль, чужая, но ясная. — *Всё из-за слабины...*»

Его — нет, не его — взгляд упал на руки. Мужские руки, сильные и грубые, сжимающие длинное охотничье копьё, древко которого было обмотано полоской волчьей шкуры.

Радогор, глава старшего рода в селении, совершал обряд. Он стоял на границе угодий, там, где частокол из заострённых кольев сменялся стеной мокрого, неприветливого леса. За его спиной, молчаливым строем, выстроилась его дружина. Суровые мужчины с топорами и копьями, лица их были напряжены. Они уже семь дней не могли взять в лесу ни зверя, ни птицы. А тишина в чашобе была как будто выжидающей.

Радогор был без плаща. Морозящий дождь пропитал его грубую льняную рубаху насквозь, но он не чувствовал холода. Его воля была тверда.

Он сделал шаг вперёд, к самому краю чащи. Голос его, низкий и рокочущий, разрезал монотонное шуршание дождя.

— Лес! Слушай! — начал он, и слова его падали в сырую мглу, словно камни в болотную трясиину. — Видишь нас? Мы — твои. По старому уговору. По клятве дедов.

Он воткнул копьё в землю у самых корней старой ели. Лезвие вошло в грязь с глухим, негромким чмоканием.

— Дал ты нам кров. Дали мы тебе долю от каждой добычи. Кровь за кровь, хлеб за хлеб. Где же ныне твоя доля, Лес? Где же зверь твой тучный? Где птица пернатая?

Он выдернул копьё и, не сходя с места, описал им в воздухе круг — древний знак солнца, призывающий свет даже в эту глухую пору.

— Не требуем. Напоминаем. По праву договора. До зимнего солнцеворота. Да будет так!

Он повернулся к своей дружине и кивком показал на принесённые им дары. Это была не кровавая жертва. Это был знак — напоминание о договоре. Мужчины выложили на мшистый валун у тропы краюху ржаного хлеба, щепотку соли и пучок сушёной брусники. Пища людей. Их доля.

Все замерли, вслушиваясь. Ждали ответа. Шороха, крика сойки, хоть чего-то. Но лес молчал. Его молчание было густым, плотным, словно стена. Оно не было враждебным. Оно было... безразличным. Словно могучий дух чащи отвернулся от них и смотрел куда-то в себя, в свою собственную, непонятную им глубину.

Радогор почувствовал, как по его спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с дождём. Его обряд, правильный, выверенный, был совершён впустую. Сила не откликнулась. Впервые за долгие годы.

В это же время, в просторной светлице дома Радогора пахло иначе. Воздух здесь пах дымом тлеющего в глиняной плошке можжевельника, сладковатым запахом сушёной мяты и воска, и едва уловимым запахом шерсти. Здесь царила своя, женская тишина — напряжённая и наполненная смыслом.

Малуша, жена Радогора, сидела на низкой, просиженной до блеска лавке перед большим ткацким станком. Он был знаком её власти. Перед ней висел новый Пояс Рода для всего селения Загривье. Старый, отслуживший семь зим, истлел и начал осыпаться, и защита, что держалась на нём, ослабла, стала тонкой, как паутина.

Пальцы Малуши, исчерченные морщинами, двигались медленно, бережно, почти наощупь. В правой руке она держала дубовый челнок с шерстяной нитью, окрашенной в густой охристый цвет отваром из корня подорожника — на крепость и стойкость.

— Вожу ниточкой, веду судьбицу, — её голос был тих, настоящий заговор, который не произносили вслух, а выдыхали. — Связываю корень с веткой, предка с внуком. Вплетаю силу камня глухого, терпение воды молчаливой.

К шерсти она добавила тонкую, невероятно прочную нить, спряденную из волоса из хвоста гнедого мерина — того самого, что вынес Радогора из стычки с кочевниками.

— Конь бежит, земля дрожит. Сила его — в моём узле, прыть его — в моём плетенье. Дом мой — крепость моя, род мой — твердыня.

Рядом, на широкой скамье, сидели её невестки. Старшая, Грубава, дочь союзного рода из-за реки, с силой, не свойственной этому занятию, чесала грубую овечью шерсть. Её движения были резкими, отрывистыми. Младшая, Леся, принятая в род из бедной семьи лесных охотников, сидела, сгорбившись, у самого края. Её тонкие пальцы бесцельно перебирали клубок, а взгляд был устремлён в пустоту.

Малуша, не поднимая головы, чувствовала их обоих. Чувствовала смуту в их душах. И не могла отогнать от себя воспоминание о вчерашнем дне. Она разносила ужин и застала их у колодца. Грубава, с блестящими глазами, что-то горячо доказывала Лесе.

«...а у них, у варягов, иначе! — слышала Малуша обрывки фраз. — Меч в курган кладут, с конём! Чтобы в ином мире сила при нём была! А мы жжём всё в прах...»

Леся молчала, но в её опущенных глазах читалось не просто внимание, а разбуженное любопытство. Сомнение. Малое, едва зародившееся, но уже живое. А сомнение, как ржавчина, точит нить судьбы. Оно рвёт связи. Оно вносит разлад в самый узор.

Малуша с усилием вернулась к работе. Она протянула руку к берестяному туеску, где лежали заготовленные нити-обереги. Её пальцы нащупали «Нить Памяти», спряденную из шерсти первого ягнёнка, рождённого в этом году. Она должна была хранить род от забвения.

Она доплела последний узел в сложном знаке «прочного корня». Пояс висел перед ней — тяжёлый, плотный, на вид — крепче и краше прежнего. Работа была закончена.

Но глаз большухи, наученный читать неявное, задержался на одном из ромбов. Там, в самом центре узора, была едва заметная *слабина*. Нить лежала не так туго, как везде. Словно сила, вложенная в работу, в этом месте дрогнула, усомнилась вместе с невестками. Сердце Малуши учащённо забилося. Переделать? Это означало потратить ещё день. А ночь уже наступала, и усталость навалилась на неё тяжёлым камнем.

«И то сойдёт, — устало подумала она, откладывая челнок. — Не до красоты нынче. Лишь бы связь держала. Лишь бы Сила узнала в нём свой знак».

Она не знала, что эта маленькая слабина, эта допущенная неточность, была лишь звеном в цепи грядущей беды.

Этой же ночью, когда село утонуло во мраке и в стучащем по крышам дожде, пропал мальчишка. Сын ведуна Оньши, отрок по имени Миловзор. Его послали с берестяной грамоткой в соседнее селение, что было в трёх часах ходьбы. Он так и не дошёл.

Его нашли на рассвете, когда дождь наконец стих и солнце, почти не видимое за тучами, поднялось над лесом. Отрок лежал на краю Топкого болота, на небольшой кочке, поросшей багровой клюквой. На нём не было ни единой царапины. Его одежда была цела, лишь промокла насквозь от росы и болотной сырости.

Он лежал на спине, раскинув руки, и смотрел в серое небо широко раскрытыми, остекленевшими глазами. Они были пусты. Его тело было обтянуто бледной, восковой кожей, сквозь которую проступали все косточки. И он был *пуст*. Словно всё нутро, всю плоть, душу и память из него высосали за один миг через какую-то невидимую трубку.

А на груди, прямо на намокшей холщовой рубахе, проступал странный узор. Он не был вышит и не был нарисован. Он был похож на спутанные чёрные корни какого-то проклятого растения и словно проступил изнутри, сквозь ткань и плоть...

Артём вырвался из сна с таким чувством, будто его швырнули о стену. Он не просто проснулся — он выпал из кошмара в реальность, содрогнувшись всем телом и ударившись спиной об изголовье кровати. В ушах стоял оглушительный звон, а перед глазами всё ещё плясали тени от факелов и чёрный, обугленный узор на детской груди.

Он сидел, судорожно хватая ртом воздух, и не мог отделаться от чужих ощущений. Он всё ещё чувствовал ледяное бессилие Радогора, сжимавшего рукоять топора до хруста в костяшках. Ярость, обращённую внутрь, потому что его мужская, явная магия оказалась бесполезной против безразличной, ползучей тьмы. И он чувствовал леденящий ужас Малуши, её сдавленный стон, когда она узнала в кошмарном знаке на теле мальчика свой собственный, вчерашний, вытканый на Поясе Рода узор. Знак «прочного корня», вывернутый наизнанку, опоганенный и ставший приманкой для того, что прячется за краем видимого.

В этом ужасе была и своя, особая родительская мука. Потому что их род не ограничивался взрослыми сыновьями и невестками. За Радогором и Малушей стояли их дети. Старший из них, шестнадцатилетний Видогор, сжавший кулаки и глядевший на отца с немым вопросом. Младший, шестилетний Мирослав, инстинктивно прижавшийся к матери, которая пыталась заслонить ему глаза от ужасного зрелища. А между ними, будто тень от грядущих бед, замерла их единственная дочь — десятилетняя Радомира. Её худое лицо было белее снега, а в огромных, бездонных глазах стояло отражение серого, безутешного неба Загривья. Но сквозь её взгляд пробивалось иное — твёрдая, как кремь, недетская *воля*. Казалось, она вглядывалась в надвигающийся мрак, уже собирая силы для будущей битвы.

«Щит был не просто пробит. Он был обращён против них».

Эти слова эхом отдавались в его сознании, и он не знал, его ли это мысль или последний отголосок чужого отчаяния.

Артём провёл рукой по лицу. Она дрожала. Он был мокрым от пота, а в горле стоял ком. Это был не просто сон, это было предупреждение. Послание. Или, может быть, приговор.

Он посмотрел на окно, за которым начинался рассвет над Москвой. Его город, его упорядоченная жизнь с её статьями и параграфами. Но теперь он знал, что где-то там, в другом слое реальности, в селении Загривье, только что начался настоящий кошмар. И его, Артёма Лиховицкого, юриста, чей мир дал трещину, это касалось самым непосредственным и страшным образом.

Он осознал это с абсолютной ясностью. То, что он видел, было не памятью предков, не далёким прошлым. Всё это происходило *здесь и сейчас*. И всё это было лишь началом.

Глава 7

Зал суда был полон. На скамье подсудимых сидела Алиса Рудь, красивая двадцатипятилетняя девушка с огненно-рыжими волосами, собранными в небрежный пучок, и зелёными глазами, в которых можно было увидеть вызов и усталость одновременно. Её обвиняли в крупном мошенничестве — создании фейковой IT-компании «Прометей» и хищении средств инвесторов.

Прокурор выстраивал обвинение по всем правилам — чётко, неумолимо, кирпичик за кирпичиком.

— Подсудимая втиралась в доверие! — его голос гремел, не терпя возражений. — Создавала видимость, но её проекты — пустышка! Она — авантюристка! «Рыжий дьявол», одурачивший десятки людей!

Алиса сидела с гордо поднятой головой, но пальцы её судорожно сжимали край скамьи. Артём Лиховицкий, её адвокат, видел больше, чем все остальные. Он видел, как с каждого слова прокурора на Алису сыпались чёрные, липкие хлопья клеветы, пытаюсь полностью скрыть её яркую, пламенную сущность под слоем грязи. Воздух в зале был тяжёлым, душающим.

Внутренний голос прошептал:

«Они боятся её огня. Они хотят потушить его грязью. Но огонь, питаемый правдой, нельзя погасить ложью».

— Ваша честь, — поднялся Артём. Его голос был не громким, но он прорезал гул в зале, как лезвие. — Обвинение строится на показаниях так называемых «потерпевших» — Сомова и Петрова. Однако, я прошу обратить внимание на следующие факты. Господин Сомов утверждает, что перевёл деньги на разработку программного обеспечения. Но при этом он является совладельцем компании «ТехноЛаб», прямого конкурента «Прометея». А господин Петров... — Артём сделал театральную паузу, — ...вообще не переводил денег. Он предлагал «инвестировать» личными связями, а когда получил отказ, подал заявление о мошенничестве. Это не потерпевшие. Это — конкурент и мститель.

Прокурор попытался было возразить, но Артём продолжил:

— Обвинение упорно называет работу моей доверительницы «пустышкой». Однако я готов предъявить суду действующий прототип её приложения. Тот самый, что был украден господами Сомовым и Крыловым и выдан ими за разработку «ТехноЛаба». — Он поднял над столом толстую папку. — А это — заключение независимой экспертизы, не оставляющее сомнений: автор кода — Алиса Рудь.

В зале поднялся шум. Чёрные хлопья клеветы на Алисе затрепетали и начали обугливаться по краям.

— Но... но она же не дипломированный специалист! — выкрикнул Сомов с места. — Где её диплом? Она самоучка! Выскочка!

Артём повернулся к нему.

— По вашей логике, господин Сомов, Билл Гейтс, Стив Джобс и Марк Цукерберг — тоже мошенники? Они не окончили вузов. Они были «выскачками». Они горели своей идеей. Так же, как горит ею моя доверительница. Вы пытались украсть не просто код. Вы пытались украсть её *огонь*. И, судя по всему, обожглись.

Эти слова стали решающими. Обвинение рассыпалось. Судья, пожилая женщина с умными глазами, посмотрела на Алису с интересом.

Когда суд удалился для вынесения приговора, Алиса обернулась к Артёму.

— Почему? — прошептала она. — Почему вы поверили мне? Все видели только мои волосы и мою наглость.

— Я увидел огонь, — ответил Артём. — Не в волосах. Внутри.

Оправдательный приговор повис в воздухе, а затем был встречен оглушительной тишиной, на фоне которой звучали редкие, но яростные аплодисменты сторонников Алисы. Артём механически собирал бумаги, чувствуя, как адреналин отступает, оставляя после себя странную, щемящую пустоту. Он выиграл. Но эта победа снова пахла чужим вмешательством, подсказкой той, кто сидела у него в голове.

На ступенях здания суда Алиса повернулась к нему. Ветер трепал её рыжие волосы, и теперь, без груза обвинений, они горели вокруг её головы настоящим пламенем.

— Я не знаю, как вас благодарить, — её голос дрогнул, срываясь. В её зелёных глазах стояли слёзы — не от горя, а от ослепительного, огненного облегчения. — Все они видели только стереотип. «Рыжая — значит, бесстыжая, авантюристка». А вы... вы увидели меня. Идею. Вы верили в неё, даже когда я сама начала сомневаться.

Она порылась в кармане потрёпанной косухи и достала старую, потёртую зажигалку Zippo с гравировкой в виде феникса.

— Это мой талисман. Когда было совсем темно, я смотрела на него и вспоминала, что феникс восстаёт из пепла. — Она с силой сжала её в ладони, словно вбирая в себя последнее тепло. — Теперь он ваш. Вы раздуваете огонь, даёте ему гореть чище.

Она протянула зажигалку. Артём, почти не думая, взял её. Металл был обжигающе тёплым, будто только что лежал в кармане у самого сердца.

В тот же миг Артём почувствовал... нет, не всплеск энергии, а рождение *Силы* в самом центре его существа. Концентрированное, раскалённое докрасна намерение, способное прожечь любую преграду, осветить любую тьму и обратить в пепел любую, даже самую изощрённую ложь.

Знание вспыхнуло в нём:

«Ты распознал истинный огонь под слоем копоти и зависти. Ты защитил его. Отныне твоя воля — пламя, твоё слово — искра. Дар Огня получен. Полномочия подтверждены».

Артём медленно поднял голову и встретился с взглядом Алисы. Он увидел в ней родственную душу — ту, кто тоже умела гореть. Его рука сжала подаренную зажигалку.

— Спасибо за талисман, — сказал он, и его голос прозвучал тише и мягче, чем обычно. — Но позвольте предложить вам кое-что более практичное. На случай, если у вас снова возникнут проблемы с... недобросовестными конкурентами.

Он достал свой телефон, разблокировал его и протянул Алисе.

— Оставьте свой номер. Если что-то пойдёт не так — звоните. В любое время.

Алиса на мгновение застыла, удивлённая, затем на её лице расплылась счастливая, немного озорная улыбка. Она быстро набрала свой номер и сохранила его в контакты, назвав себя так: «Алиса „Рыжий дьявол“».

— А вы? — спросила она, возвращая телефон. — Если у вас, защитника обиженных, вдруг случится кризис веры в человечество? Кому вы будете звонить?

Артём неожиданно для себя улыбнулся в ответ. Это было новое, непривычное ощущение.

— Возможно, тому, кто напомнит мне, что помимо законов, написанных людьми, есть и другие, — он отправил ей смс со своим номером. — Более... фундаментальные.

Телефон Алисы завибрировал у неё в кармане. Она кивнула, и в её взгляде читалось полное понимание.

— Договорились. Берегите себя, Артём. Мир нуждается в таких, как вы. В факелах.

Он сжал в кармане тёплую зажигалку, чувствуя, как новоприобретённая сила отзывается в нём ровным, уверенным жаром. Он развернулся и зашагал прочь. Впервые за долгое время он шёл не в пустоту, а зная, что за его спиной остался живой, настоящий огонь. И этот огонь теперь был всего в одном звонке от него.

В приподнятом состоянии Артём возвращался домой. Переходя улицу, посмотрел на светофор, он был зелёным. Он ступил на проезжую часть, и вдруг его ослепили фары.

Грузовик. Он мчался на красный, не сбавляя скорости.

Время замедлилось. Артём увидел размытое лицо водителя за стеклом, искажённое усталостью или чем-то иным. Он увидел, как между ним и несущимся на него железом возникает тонкая, дрожащая *нить* — серая, безжизненная. Нить его возможной, почти состоявшейся смерти.

И тогда сработал не рассудок, не инстинкт. Сработала его пробуждающаяся *воля*.

«Нет!»

Мысль была не его. Она была подобна удару гонга, рождённому где-то в глубинах его существа. И серая нить порвалась.

Грузовик с оглушительным рёвом, визгом тормозов и запахом гари пронёсся в сантиметрах от него. Артём отпрыгнул на тротуар, прислонился к фонарному столбу, сердце выскакивало из груди. Водитель, высунувшись из окна, что-то кричал, но Артём не слышал. Он смотрел на то место, где только что висела и порвалась нить его гибели. Его спасла не случайность, а отказ. Отказ от предложенной реальности.

Глава 8

Артём почти бегом добрался до дома. Его руки тряслись, когда он вставлял ключ в замок. Он ворвался в квартиру, захлопнул дверь и прислонился к ней, пытаясь отдышаться.

И снова раздался тихий, скрипучий вздох.

Артём медленно повернул голову. Домовой сидел в том же кресле. На сей раз его очертания были чуть чётче. Можно было разглядеть нечто вроде длинной, лохматой шерсти и блеск всё тех же угольков-глаз.

— Ну что, хозяин? — проскрипел дух. — Понял, наконец? Что тебя здесь, в каменной коробке, ничто не удержит? Что твоё место — не здесь?

— Меня... меня чуть не убили, — с трудом выговорил Артём, всё ещё не в силах прийти в себя.

— Кто? Железная телега? — Домовой фыркнул. — Не она. Она — просто палец. Рука-то другая. Того, кто ниточки эти плетёт. Кто новые договорца предлагает. «Умри сейчас — и не будет тебе вечной каторги». Соблазнительное предложение, а? Многие бы клюнули.

Артём уставился на него.

— Кто? Безликий? Тот, кто приходил ко мне?

Домовой покачал своей лохматой головой.

— Тот — мелкая сошка. Посыльный. А это... — дух обвёл лапой воздух вокруг, — ...это сама Пустота начинает чують в тебе угрозу. Она слепа, но чувствует, что ты можешь изменить правила. Вот и посылает тебе «выгодные предложения». Разорвать договор с жизнью — самое простое из них.

Он поднялся с кресла, его тень заколебалась на стене.

— Скоро, хозяин, скоро тебе придётся выбирать. Или бежать туда, где твой пост, и принять от неё власть... или здесь, в этом мире, стать мишенью. Потому что ты уже не принадлежишь ни людям, ни им. Ты — между. А между — самое опасное место.

Артём поднял голову и посмотрел на сгусток теней в кресле. Страх медленно отступал, сменяясь той самой холодной, адвокатской собранностью, что выручала его в самых безнадёжных процессах.

— Хорошо, — сказал он, и его голос вновь приобрёл твердость. — Допустим, я согласен с твоей... предпосылкой. Что я — сторона по некоему договору, о котором мне ничего не известно. Но с точки зрения любого цивилизованного права, это грубейшее нарушение. Ни один контракт не может считаться действительным, если одна из сторон не была ознакомлена с его условиями.

Угольки-глаза Домового сузились, в них мелькнул интерес, даже некое подобие уважения.

— Так я здесь как раз для того, чтобы ознакомить, — проскрипел дух. — По делу, которое тянулось тысячу лет, сейчас выносится окончательное решение.

Артём медленно кивнул, его ум, уже привыкший к абсурду, цеплялся за знакомые категории. «Дело». «Решение». Это был язык, который он понимал.

— Кто стороны? В чём предмет спора? Каковы исковые требования?

Домовой фыркнул, и по комнате снова поплыл тёплый запах печки.

— Истец — род людской, представленный твоей прародительницей, Радомирой. Ответчик — сущность, которую твои предки называли Пустотой. Предмет спора... — Домовик сделал паузу, и его голос стал торжественным и зловещим, — ...предмет спора — существование реальности в её нынешнем виде. Точнее, право на её дальнейшее существование.

Артём почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он ожидал чего угодно — спора о наследстве, о границах угодий, о некоей магической силе. Но не этого.

— Обоснуй, — потребовал он.

— Радомира пошла на рискованный шаг, — начал Домовой, и его слова легли в тишину комнаты, как строки в протокол. — Она заключила с мирозданием Договор. Договор на тысячу лет.

Артём замер, мысленно оценивая этот ход. Срочный договор вместо бессрочного. Это давало возможность его пересмотра. Отлично.

— Каковы были условия?

— Пустота отступала, прекращала пожирать реальность. Радомира становилась живым замком, стражем, не дававшим ей вернуться. А её род, её кровь, давали клятву. Клятву в том, что ровно через тысячу лет явится Наследник. Наследник, который... — Домовой снова посмотрел на Артёма, — ...который либо перезаключит Договор на новых условиях, либо... станет новым стражем, продлив его старые условия.

В голове Артёма щёлкнуло. Всё встало на свои места. Его одинокая жизнь, его странный дар, его «наследство»... Он был не просто Наследником. Он был также исполнителем по Договору.

— А что будет, если я откажусь «подписывать»? Если я просто проигнорирую это «дело»?

— Тогда договор будет считаться расторгнутым по вине стороны истца, то есть людей, — голос Домовик стал ледяным. — В силу вступят штрафные санкции. Полное и безоговорочное уничтожение предмета спора. То есть... всего.

Артём отвернулся, глядя в тёмное окно, за которым спал ничего не подозревающий город. Его юридический ум уже анализировал ситуацию. Он был втянут в процесс, где ставка — всё. У него не было выбора, кроме как участвовать. Бегство было бы признанием вины и автоматическим проигрышем.

— Что мне нужно делать? — спросил он, поворачиваясь обратно к Домовому. — Каков порядок действий? Где можно ознакомиться с материалами дела? С текстом первоначального Договора?

Дух в кресле зашевелился, его очертания стали ещё чётче. Казалось, сама тьма в комнате сгустилась, чтобы послушать.

— Всё это тебе предстоит узнать, хозяин. Текст договора не записан на бумаге. Он запечатлён в памяти мира, в камне, в твоих снах. Тебе предстоит его восстановить. Изучить. Найти в нём слабые места, лазейки, неоднозначные трактовки. Всё, как ты умеешь. А потом... сесть за стол переговоров с Силами, для которых понятия «справедливость» и «милосердие» — пустой звук. И убедить их согласиться на новый Договор.

Домовой поднялся. Его тень отбрасывала на стену гигантские, колеблющиеся очертания.

— Знай, что другая сторона уже ведёт свою работу. «Несчастные случаи», стирание памяти, лжецы... это лишь первые попытки. Попытки устранить оппонента до начала основного слушания. Будь готов, хозяин. Твоя практика подходит к концу. Заключи договоры с Силами. Найди Радомиру. А потом... начнётся главный процесс. Процесс о праве этого мира на жизнь.

С этими словами Домовой медленно, не растворяясь, направился к прихожей и шагнул за дверь, которая, как знал Артём, была заперта. В комнате снова остался лишь запах болота.

Артём стоял неподвижно. Его мир рухнул окончательно. Но на его развалинах уже вырисовывались контуры новой, чудовищной реальности. Реальности, в которой он был не жертвой, не избранным, а... юристом. Юристом, представляющим сторону человечества в деле «О Бытии против Небытия».

Он машинально достал из кармана зажигалку-талисман. Щёлкнул. Ровное пламя осветило его лицо, и он почувствовал, как внутри загорается ответный огонь — тот самый дар, полученный благодаря Алисе. *Сила*. Та, что не дала ему погибнуть под колёсами грузовика.

Его пальцы сами нашли в телефоне её номер. «Алиса „Рыжий дьявол“».

Он почти не осознавал, что делает, когда набирал сообщение. Просто нужен был голос из того, прежнего мира. Голос, в котором ещё не было этого леденящего ужаса.

«Сегодня был тяжёлый день», — отправил он и тут же пожалел. Какая наивная, жалкая попытка вернуть нормальность.

Ответ пришёл почти мгновенно. «Расскажи. Я всё ещё не сплю. Заклинаю баги в новом коде».

Он не стал писать. Набрал номер. Услышав её голос — живой, немного хриплый от усталости, — он смог наконец выдохнуть.

— Просто... послушать кого-то нормального, — сказал он, не в силах подобрать другие слова.

— Нормального? — она фыркнула. — Ты звонишь девушке, которую полгорода считает мошенницей, а ты — «нормальной»? Спасибо за комплимент.

Его это рассмешило. Он не стал рассказывать ей про оборванные нити и паутину лжи. Говорил о работе, о клиентах, о выгорании — обычными словами описывая невыразимый ужас. Она слушала, говорила и в её ответах не было ни капли фальши. Только этот самый её огонь, который он когда-то разглядел под слоем грязи.

Разговор занял не больше десяти минут, но когда он положил трубку, в квартире что-то изменилось. Запах болота отступил, стал фоновым. А в углу, где обычно сидел Домовой, послышалось тихое, одобрителное потрескивание.

— Что, хозяин? Ищешь точку опоры в старом мире? — проскрипел знакомый скрипучий голос. Домовой материализовался в кресле, его угольки-глазки пристально следили за Артёмом. — Зря.

— Она настоящая, — тихо, но твёрдо ответил Артём. — Её огонь — настоящий. Я это знаю.

— Знаю-знаю, — Домовой будто кивнул. — Чую. Ты благодаря ей с Огнём договор заключил, сам того не ведая. Это хорошо. Одна Сила с тобой говорит. Но одной — мало.

Артём сжал в кулаке тёплую зажигалку.

— Что значит «мало»?

— А значит, хозяин, что Договор, который тебе предстоит заключать, — он многосторонний. — Дух приподнялся, и его тень заколебалась на стене. — С Пустотой... с ней договориться невозможно. Ты предъявляешь ей уже готовый, скреплённый Договор. Договор, в котором все Силы уже поставили свои печати. Без их воли твоё слово для Пустоты — пустой звук. Она не слышит просьб. Она не понимает уговоров. Она лишь признаёт свершившийся факт. Факт новой, прочной реальности, которую ты, как Наследник, должен будешь ей предъявить.

Артём молча переваривал услышанное. Он уже выстраивал схему: надо подготовить итоговый, безупречный документ, подписанный всеми необходимыми сторонами, и лишь затем представить его безразличному «ответчику» для автоматического исполнения.

— И как... заключать с ними договоры? С Силами?

— Жить, хозяин. Жить и делать своё дело. Но не так, как раньше. Ты теперь видящий. Смотри. Ищи, где нити рвутся, где правду дают ложью. И вступайся. Не только как юрист, а как хозяин своего слова. Каждый раз, восстанавливая порядок, ты будешь получать их знак, их дар. Огонь ты уже получил. Впереди — другие.

Домовой стал медленно таять, его голос донёсся словно из-за толстой стены.

— И не цепляйся за этот мир. Каждая твоя привязанность может стать удавкой на шее. Помни: получив дар, ты становишься желанной добычей. Не только для Пустоты. Для всех, кто жаждет силы.

Он исчез. Артём остался один, но уже не сломленный, а собранный. Перед ним была не расплывчатая «миссия», а чёткий и понятный план действий. Многостороннее соглашение. Переговоры. Получение полномочий.

Он достал зажигалку и снова чиркнул ею. Маленькое пламя упрямо полыхнуло в темноте.

Глава 9

В этот раз сон накатиł на Артёма не резким погружением, а медленной, тёмной волной. Он не сразу понял, что спит. Сначала в его сознание просочился запах — странный, сладковатый и затхлый, как запах старого погреба, где годами хранится сырая земля. А потом его слуха коснулась тишина. Тишина затаившегося страха.

Он снова был в Загравье. Он знал это с первой же секунды. Знакомый двор, почерневшие срубы, серое, низкое небо. Но на сей раз он не был привязан к чьему-то телу. Он был призраком, невидимым свидетелем, и его собственная тревога смешивалась с тем коллективным ужасом, что висел в воздухе, густея с каждым часом.

Малуша не могла больше терпеть это томительное бездействие. Пока Радогор и его дружина патрулировали окрестности в тщетной надежде найти видимого врага, она знала — корень зла скрыт не в лесу, а здесь, в самом сердце их защиты. В Поясе Рода.

Она дождалась глубокой ночи, когда даже тревожный шепот затих, и в доме воцарилась мертвенная тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием спящих. Осторожно, словно боясь разбудить спящего зверя, она сняла новый Пояс со станка. Ткань была плотной, тяжёлой, но в пальцах она ощущала не живую мощь, а что-то иное — смутную, неприятную вибрацию, словно внутри плескалась холодная, стоячая вода.

При свете одной лишь лучины, чей трепещущий огонёк отбрасывал на стены гигантские, пляшущие тени, она начала своё расследование. Пальцы её, десятилетиями учившиеся читать узоры, теперь водили по ткани с опаской, с болезненной внимательностью. Она проверяла каждый узел, каждое переплетение, вглядывалась в оттенки нитей. Искала изъян, ту самую слабинку, что могла стать воротами для беды.

Её работу прервал резкий голос из темноты:

— Опять за своё? — это была Грубава. Она стояла в дверях в горницу, закутавшись в платок, и её глаза блестели в полумраке. — Дни и ночи над этими нитками, а проку? Может, хватит старые песни петь?

Малуша не подняла головы, продолжая водить пальцами по ткани.

— Не в песнях дело, невестка. В узоре. Защита наша здесь.

— Защита? — Грубава фыркнула. — Какая защита, коли Силы нас не слышат? Может, твои узоры и впрямь только для красоты? Или... — она сделала паузу, и в тишине её слова прозвучали особенно ядовито, — или ты сама что-то напутала? Вплела не ту нить? Сглазила нас своей работой?

Сердце Малуши сжалось от боли и гнева. Но она сдержалась. Ссора сейчас была ни к чему.

— Иди спать, Грубава. Не затемняй душу.

Грубава что-то буркнула себе под нос и ушла. Но её слова, как осы, застряли в сознании Малуши. «Напутала...» Возможно. О, как возможно!

Она снова погрузилась в работу. И нашла.

Среди прочных, туго скрученных нитей шерсти и льна, в самом основании узора «прочного корня», там, где начиналась его опора, пряталась одна-единственная нить. Она была тоньше других, сероватого, грязного оттенка, и на ощупь — шершавая, холодная, словно пролежала долгие зимы в мёрзлой земле. Малуша попыталась натянуть её, но нить не поддавалась, оставаясь вялой и безжизненной. От неё исходил лёгкий, но отчётливый запах — не травы и не дыма, а затхлости, старой пыли и чего-то ещё, чего она не могла опознать, но что заставляло сжиматься сердце. Запах тления. Запах Небытия.

Это была «Нить Забвения». Та самая, о которой ей шептала покойная бабка, предупреждая никогда не использовать её в оберегах. Её плели из конопли, что росла на старом пожарище, где некогда сгорела заживо целая семья. Пропитывали особым, страшным способом, смешивая с прахом из «забытых» могил — мест, где лежали самоубийцы или проклятые родом. Эта нить не укрепляла связь, а разрывала её. Она притягивала не защиту, а забвение и распад.

Кто? Кто мог это сделать? Неужели кто-то из своих, из женщин рода, чьи руки касались основы, вплел в самую душу Загривья это семя разложения? Грубава с её новыми мыслями? Тихая, отстранённая Леся?

В этот миг из-за печки послышался тихий, прерывистый вздох. Малуша вздрогнула. В темноте она разглядела сгорбленную фигуру Леси. Девушка сидела на сундуке, прижавшись к бревенчатой стене, и смотрела на Пояс широко раскрытыми, испуганными глазами.

— Она... она шепчет... — прошептала Леся, и голос её дрожал.

— Кто шепчет, дитяtko? — мягко спросила Малуша, чувствуя, как холодный пот струится по её спине.

— Нить... та, серая... — Леся указала дрожащим пальцем. — От неё идёт шёпот. Как старуха... сухая... Она говорит... «забудь... забудь всё...»

Леся закрыла лицо руками и забилась в тихой истерике. Малуша подошла, обняла её, но сама чувствовала, как почва уходит у неё из-под ног. Леся, чья связь с тонким миром всегда была обострённой, подтвердила её худшие опасения. Нить была не просто испорчена. Она уже *действовала*.

Малуша, не помня себя, прижала ладони к вискам, пытаясь выдавить из памяти ответ, имя того, кто это сделал. И в этот миг, от запаха тления, от отчаяния и страха, её сознание поплыло. Свет лучины померк, стены горницы расплылись, и её охватило видение, явственное и жуткое, как сама смерть.

Она снова была молодой девушкой. Стояла на берегу Огненного Ручья — места силы, где вода, по преданию, несла в себе искры знания предков. Завтра должен был решиться вопрос о новой большухе. Её мудрая тётка, Улада, настоящая наследница, была сильна и уверена в себе. А Малуша... Малуша боялась. Справедливо боялась, что не дотянется, что её сочтут недостойной.

Ритуал был прост: зачерпнуть воды в берестяной туес и выпить, заключая Договор с силами места на дарование мудрости. Рука её дрогнула — от страха, от зависти, — и часть воды расплескалась. Отчаяние захлестнуло её. И тогда, поддавшись *слабине* — мгновенному, позорному порыву, она достала из-за пазухи маленький пузырёк. В нём была не простая вода, а роса, собранная с болотных огней, что считались духами-обманщиками. Она подменила воду. Совершила маленький, казалось бы, обман. Всего несколько капель.

В видении она снова видела свою тётку Уладу. Но теперь это был не живой человек, а прозрачный, сияющий туманный образ. Её лицо было не злым, а бесконечно печальным.

«Обманула, племянница, — прозвучал в сознании Малуши голос, холодный, как подземный ключ. — Не силу предков призвала, а ложь в основание рода своего внесла. Договор был о чистоте. Ты же принесла ему в дар хитрость. И отравленный родник дал отравленную воду. Тридцать зим твой обман зрел в корне дерева твоего. А теперь... теперь он принёс свой горький плод».

Образ Улады протянул прозрачную руку и указал на Пояс, лежавший перед Малушей.

«Ты думала, малый обман останется тайной? Силы не прощают лжи. Твоя слабость в воле, твоё сомнение... оно стало той трещиной, в которую вошёл иной прядильщик. Кто вплел Нить Забвения? Неважно. Он лишь воспользовался твоей слабостью. Ты расчистила ему путь».

Видение рассеялось. Малуша очнулась, сидя на холодном полу, а в ту же секунду, в своей квартире за сотни вёрст и веков, Артём Лиховицкий, всё ещё спящий, издал хриплый, глухой крик. Он был зажат в его горле, как кляп, и не мог вырваться наружу, оставаясь беззвучным стоном в материи сна.

Он не просто видел её отчаяние. Он чувствовал его как собственную вину. Её обман тридцатилетней давности, её *слабина* отзывалась в нём жгучим стыдом, будто это *он* когда-то подменил воду в Огненном Ручье. В его спящем сознании, отравленном этим знанием, пронеслась ясная, чудовищная мысль: *«Не бывает малой лжи перед Вечностью. Любая слабость становится вратами. Любое предательство — приглашением Пустоты»*.

Это был не просто сон-наблюдение. Это был урок. Страшный урок о том, что цена «слабины» для Стража — это не его личная неудача, а гибель всего, что ему доверено.

Малуша смотрела на зловещую серую нить, видя в ней плод своего предательства. Артём, всё ещё бьющийся в безмолвном крике во сне, видел в ней будущее и своего собственного наследия. Она была не жертвой, а соучастницей. И это знание, разделённое временем и пространством, было горше самой смерти для них обоих.

Глава 10

После похорон Миловзора всё село, от мала до велика, затаило дыхание, замерло в ожидании нового удара. Разговоры велись шёпотом, а смех, этот верный признак жизни, казалось, навсегда покинул селение. И удар этот пришёл. Не оглушительный, не кровавый, но подлый, бьющий по самому уязвимому — по дому, по хлебу насущному, по самой основе их бытия.

Началось с хлеба. Грубава, чьи руки обычно так ловко управлялись с тестом, в это утро работала молча и угрюмо. Она вывалила на стол опару — густую, пузырящуюся, пахнущую теплом и жизнью. Добавила муки, замесила крутое тесто и, обсыпав его мукой, уложила в большую деревянную лохань, которую накрыла чистым холщовым полотенцем.

— Подходи, милое, подходи, — прошептала она старинный заговор, проводя рукой над лоханью. — Силушки набирайся, род наш корми.

Она оставила тесто в тёплом месте у печи и занялась другими делами. Но прошел час, другой, третий... Обычно тесто к этому времени уже начинало дышать, подниматься, радостно вылезая из-под полотенца. Сегодня же в горнице стояла непривычная тишина, нарушаемая лишь треском поленьев в печи. Грубава, почувствовав неладное, сорвала полотенце. И ахнула.

Тесто лежало тем же мёртвым, сероватым комом, что и утром. Оно не поднялось ни на палец. На его поверхности не было ни одной живой поры. Оно не дышало. Оно было безжизненным, как глина, и от него тянуло не теплом и хлебным духом, а слабым, но неотвратимым запахом сырости и тлена. Запахом *пустоты*.

— Окаянное! — вырвалось у Грубавы, и в её голосе звенели не столько злость, сколько отчаяние и животный страх. Она с силой отшвырнула от себя лохань. Посудина с глухим стуком ударилась о пол, и серый, безжизненный ком вывалился на половик.

Малуша, сидевшая у станка и пытавшаяся вплести в Пояс новую, укрепляющую нить, подняла голову от работы. Медленно поднялась и подошла. Она не стала трогать тесто, лишь склонилась над ним, втягивая воздух. Её лицо, и без того осунувшееся за эти дни, стало совсем серым.

— Не поднялось... — прошептала она. — Дух Живы не коснулся его. Она не вдохнула в него силу.

Хлеб был основой, даром Земли и Живы, залогом того, что род будет сыт и силён. Если тесто не поднимается — значит, сама душа роста, плодородия и жизненной силы отвернулась от их муки. Значит, разорвана одна из главных нитей Договора.

В тот же день, ближе к вечеру, Радогор обходил двор. Глаза его, привыкшие подмечать малейшие детали, зацепились за лужу у колодца. Она была не просто мутной от грязи. Вода в ней была странного, молочно-серого оттенка, будто подёрнутая пеленой. Он нахмурился, подошёл к срубам и зачерпнул ведром. Вода, поднятая с глубины, была такой же — мутной, безжизненной.

Он зачерпнул горсть, поднёс к губам, но не стал пить. Повёл носом. От воды пахло. Но не свежестью и не влажной землёй. От неё тянуло холодным запахом железа и... пустоты. Так пахнет старый, проржавевший меч, пролежавший в сырой земле. Так пахнет забвение.

Сжав кулаки, он с силой плеснул воду из горсти на землю. Капли, впитываясь в раскисшую грязь, оставляли после себя не тёмные пятна, а сероватые, будто зола. Вода, источник жизни, стала безвкусной и мёртвой. Она больше не давала силы, не утоляла жажду с радостью. Она лишь позволяла не умереть, и то с отвращением.

Радогор отступил от колодца, чувствуя, как ледяная тяжесть нарастает у него в груди. Хлеб и вода. Основа жизни. И оба источника пересыхали, не физически, а духовно. Сила уходила из них.

Но самым страшным, что окончательно сломило дух даже у самых стойких, был третий знак. Он пришёл не днём, а с наступлением темноты, и был он не материален, но оттого не менее ужасен.

В ту ночь никто в Загривье не мог уснуть. Не из-за шума или страха перед чудищами, что могли прийти из леса. Из-за тишины. В Загривье привыкли к ночным звукам. Они были частью жизни, частью Договора. Отдалённый, утробный вой волка, обещавший, что стая сыта и не пойдёт к жилью. Тревожный крик филина, предупреждающий о приближении чего-то чужого. Тихое посвистывание ушастых сов, переключка лягушек у реки, шорох листьев под лапками ежа — всё это был голос ночи, голос мира, живого и полного тайн.

В эту же ночь воцарилась абсолютная, гробовая тишина. Она была густой, тяжёлой, давящей на уши. Лес, обычно живший своей сложной, невидимой жизнью, замер. Беспросветно и бесповоротно. Не слышно было ни зверя, ни птицы, ни насекомого. Даже ветер, обычно шелестящий голыми ветвями, стих. Стояла мёртвая, бездонная тишина, более пугающая, чем любой вой. Казалось, сам Лес, дух чаши и тайны, затаился, прислушиваясь к чему-то, что было страшнее его. Или... отвернулся. Оставил их один на один с надвигающейся тьмой.

Радогор, не в силах лежать в душевной избе, вышел на крыльцо своего дома. Он стоял, вглядываясь в сторону леса, чёрная, непроглядная стена которого терялась в ночном мраке. Его правая рука лежала на рукояти топора, вцепившись в неё до побеления костяшек. Он ждал. Всем своим существом ждал хоть какого-то звука — хруста ветки, уханья, шепота. Любого признака, что мир ещё жив, что Договор, хоть и повреждённый, ещё действует.

Но в ответ была лишь всепоглощающая, немая пустота. Это бездействие, эта оглушительная тишина были в тысячу раз хуже открытой атаки. Они не оставляли места для ярости, для борьбы. Они лишь медленно и методично выдавливали из души надежду. Они говорили лишь об одном: Договор расторгнут. Силы ушли. Они больше не участвовали в жизни села, не слышали его, не отвечали ему. Они лишь позволяли чему-то иному, молчаливому и безразличному, происходить.

Словно оглушённый, Радогор вернулся в избу. Дверь с скрипом закрылась за ним, но не могла заглушить ту тишину, что проникла уже внутрь, в самые стены. Он встретил взгляд Малуши. Её пальцы бесцельно, нервно перебирали край нового Пояса Рода. Они не говорили ни слова. Какие могли быть слова? Все они уже были сказаны беззвучным языком испорченного хлеба, мёртвой воды и немного леса. Оба понимали: заклятье, защищавшее Загривье, таяло на глазах, как последний снег под дождём. И они, хранители Договора, не знали, как его обновить. Они могли лишь ждать, что принесёт следующий рассвет. И это ожидание было невыносимым.

Дни в Загривье слились в одно сплошное, серое и безрадостное полотно, вытканное из страха и безнадёги. Время словно застыло, завязнув в липкой, болотистой трясине всеобщего оцепенения. Всепоглощающая тишина въелась в брёвна изб, в раскисшую землю улиц, в самые души людей.

Именно в этой гробовой, давящей тишине и пророс первый ядовитый росток открытого недовольства. Семя, упавшее на благодатную, вспаханную страхом почву.

Этим ростком стал ведун Оньша, помнивший все долги, обязательства и мелкие провинности каждого в роду. Был он потомком рода, что испокон веков *ведал* не столько о ладе с Силами, сколько о том, как обратить их волю себе на потребу. Смерть сына не свела его с ума — нет, она заточила его разум, выковав из отцовского горя холодное, острое, как обсидиановый нож, лезвие обиды. Он не рыдал и не рвал на себе волосы, как это бы сделали другие. Он сидел в своей опустевшей, потемневшей избе, глядя на пустую лавку у стола, где должен был сидеть Милловзор, слушая отцовские наказания. Его пальцы, тонкие и цепкие, медленно перебирали берестяные грамотки — учёт прошлогодних запасов, записи об обменах с иноземцами,

списки долгов. Он искал причину. И, как всякий книжник, привыкший к сухим цифрам и буквам, искал её не в безличных, непостижимых Силах, а в людских ошибках, в нарушении установленного порядка, в чём-то конкретном проступке.

На седьмой день после того, как вода в колодце окончательно превратилась в мутную смердящую жижу, он вышел из своей избы. Лицо его было жёлто-серым, как старый воск, глаза глубоко впали и горели изнутри тлеющим, неярким, но неумолимым угольком ненависти. Он не пошёл к Радогору — к тому, кто олицетворял собой не справившуюся с бедой власть. Вместо этого он направился к колодцу, месту, ставшему символом проклятья, где собрались несколько женщин с вёдрами. Они молча, с опущенными головами, черпали отраву, и на их измождённых лицах читалась покорная, животная безысходность.

Оньша остановился поодаль, опершись обеими руками на свой посох из тёмного, почти чёрного дерева.

— Хороша ли водица? — его голос, хриплый и сухой, будто проржавевший скрип несмазанной телеги, разорвал тягучую тишину, заставив женщин вздрогнуть.

Одна из них, на лице которой ещё недавно играл румянец, а теперь залегли тени, с тоской посмотрела на полное, но бесполезное ведро.

— Не водица, а отравка какая-то, ведун... Пить невозможно. И ребёнок отворачивается...

— Отравка, — повторил Оньша, медленно кивнув. Казалось, он смакует это слово. — А отчего отравка, Горислава? Река Кривуша испокон веков поила наш род. Лес — одевал и кормил. А ныне? Ныне всё прахом пошло.

Он сделал паузу, давая своим словам, как червям, просочиться в самое сознание, в самые потаённые страхи.

— Оттого, что Договор порвали. Силу, что нас хранила, оскорбили. А кто за Договор в ответе? Кто обряды правит, к Лесу ходит, дары носит? Кто Пояс, защиту нашу главную ткёт? Чьи руки держат нити нашей судьбины?

Вопрос повис в сыром, неподвижном воздухе. Женщины переглянулись, в их глазах мелькнуло смятение и ужас. Имя Малуши не было произнесено, но оно прозвучало в тишине громче любого крика, отозвавшись эхом в каждом сердце.

— Радогор силу свою в лесу растратил, тщетно ищет, кулаком на небо грозит, а зло-то здесь, среди нас! В самой сердцевине! — Оньша не повышал голоса, но каждое его слово било точно в цель, словно отточенная стрела. — Пока нечисть в корне сидит, дерево не оживёт, сколько его водой ни поливай. И все мы... все мы ляжем костями, детьми своими заплатим за чужую провинность.

Он не стал говорить больше. Развернулся с видом человека, сказавшего последнюю, горькую правду, и медленно, отмеряя шаги своим тёмным посохом, пошёл прочь, оставив женщин не только с пустыми вёдрами, но и с липким страхом и первым, едва зародившимся, но таким соблазнительным вопросом: «А что, если он прав? Что, если виноваты не Силы, а свои же?»

Весть о том, что ведун Оньша вышел из затвора и говорил у колодца страшные вещи, быстро, словно подхваченная внезапным порывом мёртвого ветра, облетела всё Загривье. Она упала не на камень, а на благодатную, унавоженную отчаянием почву. К вечеру у его избы, не решаясь войти внутрь, собралось несколько человек — не старейшин, не уважаемых воинов, а простых, молчаливых мужиков, чьи семьи голодали, чьи дети пили мёртвую воду и смотрели в пустоту потухшими глазами. Они стояли, переминаясь с ноги на ногу, и их молчание было красноречивее любых требований.

Радогор, узнав об этом от одного из верных дружинников, лишь мрачно хмыкнул, сжимая рукоять своего топора.

— Пусть шепчется, как старуха у печки. От слов сыт не будешь, воду не очистишь и зверя в лесу не приманишь.

Но Малуша, сидевшая в тёмном углу горницы и с болезненным упорством пытавшаяся распустить, вытащить, уничтожить ту самую злополучную серую нить из Пояса, почувствовала ледяной укол в самое сердце. Она помнила взгляд Оньши — не только бездонную скорбь о сыне, но и немой укор, обращённый прямо к ней. Она знала: его слова — справедливый, выстраданный приговор, вынесенный её тридцатилетней лжи. И этот приговор теперь оглашали вслух.

На следующее утро Оньша появился на сходке у дома Радогора. Собрались старейшины, оставшиеся в селе воины. Они решали, что делать — пытаться ли снова идти в лес, теперь уже на много дней ходьбы, в надежде найти нетронутые бедствием уголья, или же послать гонцов к соседям, что было равносильно публичному признанию в своём бессилии и могло обернуться не помощью, но грабежом и порабощением.

— Соседи нам не помогут, — вдруг раздался чёткий, металлический голос, разрезавший тяжёлые доводы. Все обернулись. Оньша стоял на краю круга, прямой и неожиданно грозный в своей иссохшейся худобе. — Они свою силу, своё зерно и своих воинов берегут. А отдавать их роду, на котором лежит печать проклятья, не станут. Напротив, побоятся, как бы зараза не перекинулась и на них.

Радогор тяжело поднялся со своего места на крыльце. Казалось, за эти дни он постарел на десять лет.

— Какое ещё проклятье, ведун? Говори прямо, коли умом тронулся от горя. Не время для загадок.

— Ум мой ясен, Радогор, — холодно, без тени почтительности, парировал Оньша. — Яснее, чем у тех, кто слеп или не желает видеть. Проклятье на нас легло не извне. Его не послали чужие колдуны. Его принесли в наш общий дом, в самое его сердце. Его вплели в самую основу нашей защиты, пока мы спали, уповая на старые клятвы.

Он выдержал паузу, глядя прямо на Радогора, бросая вызов его власти, его авторитету.

— Твоя жена, Малуша. Она, что стоит хранительницей у очага рода, она... *недостойна* этого. Она осквернила все наши обряды, все наши Договоры!

Тишина, воцарившаяся после этих слов, была оглушительной. Она была не такой, как уже привычная мёртвая тишина леса. Она была живой, напряжённой, взрывной. Даже воздух, казалось, застыл, не смея шелохнуться. Мужики, старейшины — все смотрели то на Оньшу, источающего ледяную уверенность, то на Радогора, на лице которого медленно проступала мертвенная бледность. В их глазах читался не мгновенный гнев, а шок, замешательство и растущее, ужасающее понимание. Внезапно все несчастья, вся эта череда бед, обретали причину. Непонятную, но — осязаемую, человеческую. Виновата была не безличная Сила, а конкретный человек.

— Лжёшь! — прохрипел Радогор, делая тяжёлый шаг вперёд. — Горе ослепило тебя, Оньша!

— Горе открыло мне глаза, вождь! — воскликнул Оньша, и в его срывающемся голосе впервые прорвалась наружу вся глубина затаённой, выстраданной боли. — Оно открыло их, когда я смотрел на лицо моего сына, искажённое неведомой хворобой! Он умер не своей смертью! Он был принесён в жертву чужой гордыне! Спроси её! Спроси свою жену, свою большуху, свою хранительницу очага! Пусть посмотрит тебе в глаза, и скажет, чиста ли её совесть!

В этот миг со скрипом отворилась массивная дверь дома Радогора. На пороге, залитая бледным светом хмурого дня, стояла Малуша. Она слышала всё. Лицо её было белым как свежесвыпавший снег, кожа натянута на скулах. Но держалась она прямо, с той гордой осанкой, что была присуща ей всегда. И вид у неё был не обвиняемой, застигнутой врасплох, а человека, который давно знал о грядущей расплате и теперь принял её. Она не сказала ни слова. Она лишь медленно, с невыразимой скорбью, обвела взглядом собравшихся, встретила глазами

с Оньшей, потом с мужем. И в её молчании, в глубине её потухших глаз, был страшный, безоговорочный ответ. Ответ, который она не смогла выговорить, но который все прочли.

Это молчание было красноречивее любых оправданий и криков. Тихий, сдавленный ропот пробежал по толпе. Оньша, увидев её лицо, торжествующе выпрямился, и его худая фигура вдруг показалась исполненной невидимой силы.

— Видите! — его голос зазвенел, на этот раз громко и властно. — Она не отрицает! Она молчит, ибо язык её отравлен ложью! Она отравила нас! Она нас всех, наших детей, наши дома, свела в могилу!

Радогор окаменел, глядя на жену. Он видел её взгляд — взгляд человека, смотрящего в бездну собственного падения. И ему не нужны были слова, не нужны были признания. Ужасная, неотвратимая правда обрушилась на него, ломая хребет его уверенности, его мужской гордости, его власти. Он был сильным воином, он мог сокрушить врага в честном бою, но он был бессилён сразиться с призраком тридцатилетней давности, с тенью предательства, совершённого в тишине у лесного ручья.

Оньша же, почувствовав слабость, уловив сомнение в глазах родичей, нанёс последний, решающий удар. Он повернулся к людям, к их испуганным, ищущим виноватого, отчаявшимся лицам. Он стал их голосом, их орудием.

— Пока нечисть в корне сидит, дерево не оживёт! — повторил он свою мысль, и теперь она звучала как призыв к действию. — Пока грех не очистится, Силы не вернуться! Не будет нам ни хлеба, ни воды, ни жизни! Только тлен и забвение!

И в глазах собравшихся, ещё недавно полных покорности судьбе, вспыхнул новый, страшный огонь — яростный гнев отчаяния, которому указали цель.

И в этот миг Артём Лиховицкий с криком выпал из сна.

Он не помнил, что кричал. Он помнил ощущение. Ощущение падения в ледяную, безвоздушную пустоту, где нет ни звука, ни света, ни надежды. Он сидел на кровати, судорожно хватая ртом воздух, сердце колотилось так, будто пыталось вырваться из клетки, ставшей вдруг тесной и хрупкой.

И тогда он *почувствовал*. Вокруг него, в стенах его квартиры, в самом воздухе, который он вдыхал, царил та же самая, знакомая по видению пустота. Тот же ледяной ужас безразличия. Запах селения исчез. Его сменило нечто иное — отсутствие всякого запаха. Словно жизнь, само дыхание мира, было выкачано каким-то насосом, оставив после себя абсолютный, стерильный вакуум.

Он подошёл к окну, глядя на спящий город. Огни реклам, свет окон. Но за ними теперь Артём видел то же, что и Радогор — безразличную, холодную пустоту, на которую эти огни не могли пролить ни капли тепла.

Силы разорвали Договор с Загривьем. И он, Артём, Наследник, чувствовал это. Это был не сон. Это была его связь с наследием, которая превращала его в предвестника надвигающейся гибели. Теперь он ясно понимал: *конец всему* уже близок.

Глава 11

Рано утром Артёма разбудил звонок. Голос в трубке срывался:

— Артём Станиславович? Умоляю, выслушайте! Это Павел Игоревич, с холодильного комбината. Речь не о деньгах, о жизни людей! Наш главный инженер, Виктор Петрович... он с ума сошёл! Забаррикадировался в аварийном цеху, температура падает! Минус пятьдесят, и это не предел!

Артём сел на кровати, пальцами растирая виски.

— Полиция? МЧС? — механически спросил он.

— Бессильны! — директор почти плакал. — Техника замерзает на подъезде, дверь в цех завалена балками... и покрыта слоем льда в полметра! Пройти невозможно. Пётр Иванович Семёнов сказал мне, что вы... что вы ведёте переговоры в ситуациях, где другие пасуют. Он сказал, что вы понимаете... *аномалии*.

Артём мрачно усмехнулся. Его слава «юриста-переговорщика» работала безотказно, как проклятие. Час спустя его машина въезжала на территорию промышленного гиганта, и картина была сюрреалистичной. Из вентиляционных шахт монолита, похожего на усыпальницу, валил не просто пар, а густой, тяжёлый, неестественный иней. Воздух был густым и колющим, он не охлаждал, а обжигал лёгкие ледяным огнём.

Директор встретил его у проходной, кутаясь в тёплую одежду.

— Он лучший, понимаете? Лучший специалист по криогенным системам в стране! — лихорадочно объяснял он, ведя Артёма к зловеще молчащему цеху №3. — Но после этой истории с патентом на систему «Иней»... Мы двадцать лет плечом к плечу, а теперь он считает меня вором! Говорит, я его дело жизни украл!

Дверь в цех представляла собой ледяной монолит. Артём приложил ладонь к поверхности. Лёд казался живым, он пульсировал едва уловимым холодом.

— Виктор Петрович! — крикнул Артём, и его голос, странным образом, не разлетелся эхом, а будто бы впитался в обшивку стен. — Меня зовут Артём, я юрист. Я здесь, чтобы поговорить... И помочь вам!

Ответа не было. Только тихий, нарастающий скрежет металла, сжимаемого на морозе.

— Он не слышит! — прошептал директор. — Или не хочет!

— Он слышит, — спокойно ответил Артём. — Просто ждёт правильных слов.

Они обошли цех снаружи, нашли аварийный люк — крошечное окошко для инспекций. Артём просунул в разбитое стекло камеру на выдвижной штанге. Картина на экране планшета заставила его застыть.

Цех №3 был сердцем ледяного ада. В центре, в эпицентре медленно вращающегося вихря из кристалликов льда, сидел старый, иссохший человек. Его пальцы примёрзли к панели управления, став её частью. Сосульки, свисавшие с потолка, были не просто льдом — они застыли в причудливых, почти музыкальных формах, словно это были не вода, а двадцать лет застывшего, невысказанного *молчания*.

— Уходи, юрист! — донёсся изнутри хриплый голос. — Здесь всё равно всё умрёт! Я заморожу этот комбинат... вместе с этим вором!

Артём отстранил директора и прильнул к окну.

«*Стужа пришла по зову немой обиды,*» — прошептал внутри него знакомый голос.

— Виктор Петрович! — снова крикнул Артём, вкладывая в голос сталь. — Я не буду оправдывать Павла Игоревича. Мне не интересны ваши корпоративные разборки. Но давайте заключим сделку. Не с ним, а со мной.

Вихрь в цехе на мгновение замедлился.

— Какую сделку? — после паузы просипел инженер.

— Вы расскажете мне всю правду о патенте. Всю. А я гарантирую — ваше имя будет восстановлено в авторстве.

Старик горько рассмеялся. Звук был похож на треск ломающегося льда.

— Слова! Только слова! Я ему верил! И что? Двадцать лет в забвении!

— Нет, — голос Артёма стал тише, но от этого только твёрже. — Не слова. *Договор.*

И в этот самый момент Артём почувствовал *присутствие*. Оно витало в воздухе, древнее, безразличное, состоящее из чистейшего холода и тишины. Оно не было добрым или злым. Оно просто *было*. И оно наблюдало.

«*Что ты предложишь взамен?*» — прозвучало в его сознании.

Артём знал ответ. Он закрыл глаза, отыскивая в закромах памяти то, что было дорого, ярко и... не нужно для выживания. И нашёл. Первая настоящая радость. Университетский конкурс, его победа в юридических дебатах. Восторг, пьянящее чувство триумфа, горящие глаза сокурсников, тёплый, почти физический комок счастья, распирающий грудь. Та самая радость, что зажгла в нём огонь адвоката.

«*Забери это*, — мысленно, с трудом вытолкнул он образ навстречу Силе. — *Забери мою радость от той первой победы. Всю. Дочиста. Дай мне сейчас остановить эту смерть.*»

Ответ пришёл мгновенно. Тёплая, светлая память в его груди погасла. Словно кто-то выключил свет в уютной комнатке его прошлого. На её месте возникла ледяная, беззвучная пустота. Слезы, выступившие на его глазах, мгновенно замёрзли, запечатав боль в крошечных кристалликах льда.

Он снова подошёл к окну. Его голос, когда он заговорил, был лишён всяких эмоций. Он был чист, ясен и холоден, как алмаз.

— Теперь слушайте меня. Оба. Павел Игоревич, — Артём повернулся к директору, и тот отшатнулся от его взгляда, — двадцать лет назад вы подали заявку на патент «Иней» без указания соавтора. Почему?

Директор побледнел, его губы задрожали.

— Я... я думал, это просто формальность! Мы всегда так делали! Все патенты на фирму!

— Лжёшь! — прохрипел из-за стены Виктор Петрович, и лёд на стенах затрещал. — Ты тогда сказал: «Витя, не заморачивайся, пусть будет на фирму, тебе же спокойнее, бумажной волокиты не будет!» А сам в графе «изобретатель» написал только себя!

Артём медленно поднял руку. Он не знал, что делает, действуя на инстинктах. Воздух вокруг его пальцев затрещал, покрывшись мгновенно нарастающим, сложным узором инея.

— Достаточно, — сказал Артём, и в его голосе был уже не призыв, а *приказ*. — Павел Игоревич, вы прямо сейчас, в моём присутствии, подпишете заявление в Роспатент о восстановлении авторства Виктора Петровича. А вы, Виктор Петрович, немедленно отключите систему.

Старый инженер смотрел на него через стекло с изумлением. Лёд, сковавший его руки, с тихим шелестом начал таять и осыпаться.

— Кто вы?.. — прошептал он. — Как вы...

— Я заключил *договор*, — просто сказал Артём, опуская руку. — Цена уплачена.

Когда система была отключена, а директор, с трясущимися руками, подписал все необходимые бумаги, Артём вышел на улицу. Утренний воздух, ещё недавно казавшийся ледяным, теперь был тёплым и невыносимо душным. Он поднял руку, не глядя указал пальцем на лужу талой воды у своих ног. Вода мгновенно, с тихим щелчком, превратилась в идеальный, зеркально-гладкий круг льда.

И в его сознании, на месте украденной радости, прозвучала знакомая безжизненная формула:

«*Ты принёс жертву молчанию. Ты использовал холод для ясности. Отныне ты сможешь остановить то, что должно быть остановлено. Дар Стужи получен. Полномочия подтверждены.*»

Артём медленно кивнул. Первый сознательный договор с Силой был заключён. Первая цена уплачена. Теперь в его груди жили два начала — яростный Огонь воли и ледяная ясность Стужи. И он начинал смутно понимать, что главная битва предстояла не с внешними угрозами, а с самим собой — когда его сердце станет полем боя между пламенем и льдом.

Глава 12

Слово, брошенное Оньшей, повисло в воздухе не просто звуком, а тяжёлым, ядовитым туманом, который впитался в каждую щель. Мгновение тишины после обвинения сменилась гулом нарастающего ропота. Он поднимался от земли, вырывался из сжатых глоток, звенел в ушах.

Радогор стоял на крыльце, вжавшись в него плечами, словно пытаюсь удержать рушащийся мир своей силой. Он видел глаза своих родичей — и видел в них не просто гнев, а нечто худшее: страх, обращённый в ненависть, и жажду простого ответа. Ответа, который им дал Оньша. Его авторитет вождя и воина рассыпался в прах перед этой жадой. Он попытался найти слова, голос, который усмирил бы бурю, но в его глотке застрял ком, и единственное, что он смог издать, был хрип, обращённый к ведуну:

— Молчи! Язык свой прикуси, пока я...

— Пока ты что, Радогор? — перебил его Оньша, и в его голосе уже не было боли — лишь холодная сталь. Он шагнул вперёд, бросив вызов не только слову, но и самой власти. — Пока ты скроешь правду? Пока будешь защищать ту, что губит нас всех? Твоя сила, вождь, была в Договоре с Силой! А какая сила в том, чтобы стоять на пути у спасения рода?

И тут случилось страшное. Малуша, всё это время стоявшая как изваяние, покачнулась и упала бы на порог, если бы не успела ухватиться за косяк двери. Она не плакала, не оправдывалась. Она смотрела в толпу пустыми глазами, в которых отражалась бездна её собственного отчаяния и вины. И этот безмолвный крах был для всех красноречивее любого признания.

— Это она! — не крикнул, а выдохнул кто-то из толпы.

Радогор, увидев, что жена вот-вот рухнет, инстинктивно шагнул к ней, подхватил её. И этот жест защиты, этот супружеский порыв, был воспринят обезумевшей толпой как последнее доказательство его пристрастия и слепоты.

— Он с ней! — пронеслось среди людей. — Он выбирает её, а не нас!

Толпа зашевелилась, заволновалась, как муравейник, в который воткнули палку. Но кинуться на крыльцо, на своего ещё недавно обожаемого вождя, никто не решался. Сила Радогора и его дружины, пусть и подорванная, всё ещё была реальной, осязаемой силой мечей и топоров.

Именно в этот момент и произошёл раскол. Не стихийный и яростный, а медленный, холодный, как расхождение двух льдин.

Люди начали расходиться. Но не все вместе. Странники Оньши — те, кто потерял больше всех, чьи дети болели, чьи амбары опустели первыми, — стали кучкой собираться вокруг ведуна. Их было человек двадцать — не воины, а землепашцы, скотоводы, ремесленники. Их оружием были не мечи, а молчаливые, полные ненависти взгляды, которые они бросали на дом Радогора. Они отступили к краю площади, образовав свой отдельный, враждебный круг.

Дружинники, человек десять проверенных бойцов, сгруппировались у крыльца, положив руки на рукояти оружия. Их лица были мрачны. Они были верны Радогору, но в их глазах читалось смятение. Защищать вождя — да. Но защищать его жену, обвинённую в колдовстве и предательстве рода? Это была иная задача, и она вызывала в их сердцах тяжёлую, давящую неопределённость.

Между двумя этими группами застыли остальные — большая, колеблющаяся часть селения. Старейшины, женщины, дети. Они бросали взгляды от Оньши к Радогору, не зная, кому верить, на чью сторону встать. Их раздирали страх перед будущим, уважение к старому вождю и ужасающая, но такая соблазнительная простота обвинения Оньши.

Никто не сказал больше ни слова. Громкие речи были не нужны. Молчание было красноречивее криков. Селение Загривье, ещё вчера единое в своём горе, теперь раскололось на части. Между ними пролегла невидимая, но прочная стена из страха, подозрений и взаимного недоверия.

Радогор втащил Малушу в горницу. Она была лёгкой, как пустой мешок, и безвольной. Он уложил её на лавку, бросил взгляд на висевший в углу Пояс Рода — этот символ их погибшей защиты — и с силой захлопнул дверь.

— Стойте на страже! — бросил он своим дружинникам. — Никого не пускайте!

Внутри было темно и душно. Малуша лежала с закрытыми глазами, но по её лицу текли слёзы, оставляя мокрые дорожки на коже.

— Говори, — велел Радогор, опускаясь перед ней на колени и хватая её за плечи. — Говори сейчас же. Лжёт он? Лжёт?!

Она медленно открыла глаза. В них не было страха перед ним. Лишь бесконечная усталость.

— Нет... не лжёт... — её шёпот был едва слышен. — Всё... всё правда. У Огненного Ручья... я... подменила воду. Боялась... хотела силы... хотела быть достойной тебя... рода...

Радогор отшатнулся, будто его ударили обухом по голове. Он ждал отрицания, яростных клятв, просьб о защите. Но в ответ получил признание. И это признание выбило из-под ног последнюю опору. Весь его мир — мир, где он был сильным вождём, мужем достойной женщины, хранителем Договора — рухнул в одночасье. Он смотрел на неё, и не мог найти в себе ни жалости, ни любви. Лишь ледяную пустоту и всепоглощающее чувство предательства.

Он поднялся, отвернулся от неё и подошёл к столу, упираясь в него руками. Его всегда прямая спина сгорбилась.

— Тридцать лет... — прохрипел он. — Тридцать лет ты вела нас к гибели. И молчала.

Больше они не разговаривали. В доме воцарилась тишина, более страшная, чем крики толпы снаружи.

Ночь опустилась на селение. И это была не прежняя, мертвящая тишина. Появились новые, тревожные звуки. Сторонники Оньши, не решаясь пока на открытое насилие, выражали свой протест иначе. Издалека, из темноты, доносились отдельные выкрики: «Колдунья!», «Предатели!», «Отдайте нам её!». Камень, брошенный чьей-то тёмной рукой, с глухим стуком ударил в стену дома Радогора, заставив вздрогнуть тех, кто был внутри.

Дружинники ходили по двору, их шаги были тяжёлыми и неровными. Они чувствовали на себе взгляды из темноты. Это была не честная война, где враг виден лицом к лицу, но война шепотов, косых взглядов и страха перед ударом в спину от вчерашнего соседа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.